

# ЖУРНАЛЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ  
ЖУРНАЛЪ  
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 27

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 7-го іюля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Въ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за Іюль 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Іюль 1912 г. съ 39 рис. и отдѣльн. листъ съ 24 черт. выкр. въ натур. величину и 57 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Лодъ аистинымъ  
гнѣздомъ.

Повѣсть **Вл. Ленскаго.**

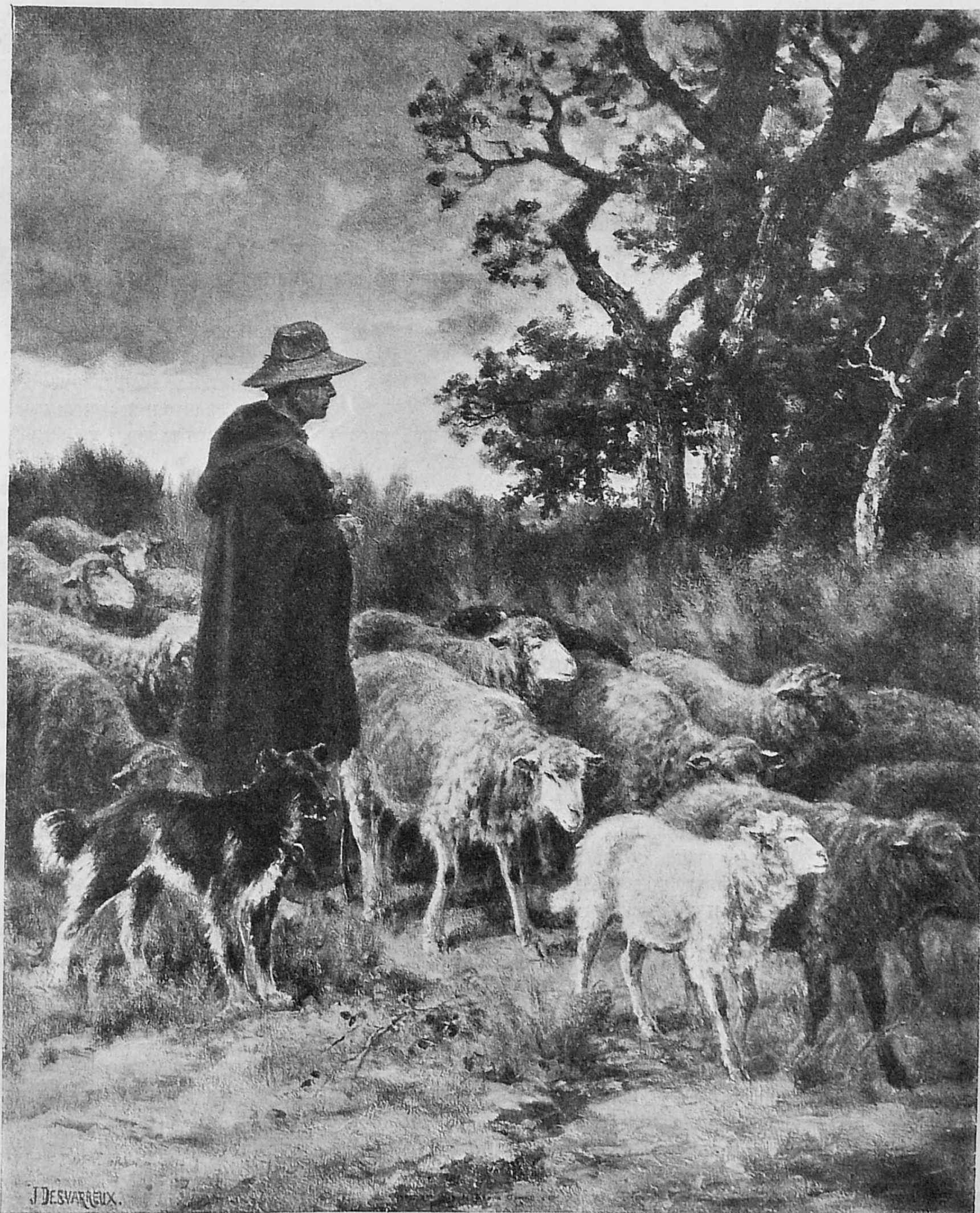
(Продолженіе).

Между тѣмъ у Марицы музыка и танцы прекратились, и въ улицѣ разлилась мертвая тишина. Гости тутъ же завалились спать, чтобы на другой день спозаранку продолжать свадебное ширшество... Вокругъ избы Бабулаки кто-то тихо похаживалъ и наконецъ осторожно постучалъ въ окно...

Бабулака спалъ. И сновидѣнія его были путанныя, неясныя: въ нихъ мѣшалось все то, что онъ видѣлъ и пережилъ за весну и лѣто, съ тѣмъ, чего не было на самомъ дѣлѣ. Вначалѣ разлилась вокругъ него широкая, блестящая равнина весеннихъ водъ съ бродящими на ней аистами и пелеканами, и онъ шель по колѣна въ водѣ, отмахиваясь сачкомъ отъ комаровъ, которые жужжали ему въ уши:

— Брось! Брось! Брось!..

Онъ не зналъ, что нужно бросить — у него въ рукахъ были сачокъ и ведро, и когда бросилъ и то и другое — комары все же продолжали жужжать свое, и отъ этого становилось страшно, потому что бросать уже было нечего, а нужно было еще что-то бросить. Онъ осматривалъ себя съ головы до ногъ и, не найдя на себѣ ничего, что можно было бы бросить, съ недоумѣніемъ и тоской смотрѣлъ



Ж. Деварро. Пастухъ.

по сторонамъ и видѣлъ, какъ тонкіе анты и неуклюжіе пелеканы, закинувъ головы и раскрывъ свои громадные клювы, громко хохотали и говорили такія же бессмысленныя слова, какъ и комары:

— Тутъ!.. Конай!..

У Бабулаки отъ ихъ смѣха и отъ этихъ непонятныхъ, но почему-то жуткихъ словъ падало сердце и потомъ начинало биться въ такой тревогѣ и въ такомъ страхѣ, что онъ не могъ сдѣлать больше ни одного шагу ни впередъ ни назадъ и только стоналъ и закрывалъ глаза и уши, чтобы ничего не видѣть и не слышать...

Потомъ онъ видѣлъ рыбацкую пристань, пахнущую свѣжей рыбой; кричали рыбаки, суетились торговцы, а онъ стоялъ среди нихъ и смотрѣлъ на зеленый крѣпостной валъ, съ котораго бѣжала къ нему Марица, въ своей красной кофтѣ, съ развѣвающимся надъ ея черной головой концомъ лиловаго шарфа. Ея лицо было искажено ужасомъ, и Бабулака чувствовалъ, что она несетъ ему какую-то ужасную вѣсть. Но страшно было не это, а то, что она бѣжала къ нему, и видно было, какъ отъ быстрого бѣга тряслись подъ кофтой ея жирныя груди и мотались руки, а она нисколько не приближалась, оставаясь отдаленной, зловѣщей фигурой вѣстницы несчастья...

Бабулака хотѣлъ бѣжать ей навстрѣчу и — опять-таки отъ страха, тревоги и тоски — не могъ двинуться съ мѣста, а рыбаки и торговцы, взявшись за руки, танцевали вокругъ него въ два круга, и откуда-то слышался отчаянный вопль Мойше Кагалъ-ницкаго:

— Тащи!.. Тащи его!..

И все это было бессмысленно и непонятно и такъ страшно, что Бабулака снова закрывалъ глаза и затыкалъ уши, чтобы ничего не видѣть и не слышать.

Или представлялась ему темная улица, и онъ шелъ по ней подъ какую-то дикую музыку, гудѣвшую гдѣ-то недалеко, и передъ нимъ, подобравъ полы сюртука, танцевалъ Фишка Бородатый, блѣдный, какъ мертвецъ, и его длинная бѣлая борода тоже танцевала, и съ такимъ выраженіемъ, словно ея движенія были совершенно самостоятельны и нисколько не зависѣли отъ движеній ея владѣльца. И танцую передъ Бабулакой, Фишка и его борода приговаривали въ тактъ танца и музыки:

— Деньги! Деньги! Деньги!..

И это слово наполняло грудь Бабулаки наибольшей тревогой и страхомъ, отъ которыхъ онъ весь обмиралъ и холодѣлъ.

И много другихъ, такихъ же дикихъ и непонятныхъ, сновъ мучили въ ту ночь Бабулаку. И странно было то, что онъ видѣлъ эти сны и все же какъ-будто не спалъ, или рядомъ съ этими снами ему снился еще другой, длительный и связанный сонъ, который не обрывался ни на одну минуту. Ему казалась, что Параскива ходитъ по комнатѣ, смѣется, наклоняется къ нему и смотритъ въ его лицо, словно прислушивается, крѣпко ли онъ спитъ. То она вдругъ идетъ къ двери, отпираетъ замокъ и кого-то выпускаетъ въ избу. И вотъ надъ нимъ уже стоятъ двое, смотрятъ и слушаютъ, спокоенъ ли онъ во снѣ и не чувствуетъ ли ихъ надъ собой.

Потомъ они берутъ со стола свѣчу и идутъ въ первую комнату и тамъ долго что-то дѣлаютъ, какъ-будто чего-то ищутъ, передвигая лавки и бочки съ рыбой.. И ихъ возня вызываетъ въ Бабулакѣ глубокую тревогу и тоску.

Вотъ они выходятъ и закрываютъ за собой дверь. Бабулака слышитъ ихъ шаги на улицѣ и жестоко мучится желаніемъ проснуться и броситься за ними въ погоню... Но онъ не можетъ поднять головы, шевельнуть рукой или ногой, скованными холодомъ страха и безсиліемъ непобѣдимой дремоты. Онъ стонетъ и скрежещетъ зубами и продолжаетъ лежать пластомъ, какъ камень.

Тяжелое, мучительное оцѣпенѣніе долго еще не оставляетъ его. Сновидѣнія прекратились, и наступило темное, тупое полузабытье, въ которомъ уже ничего не было...

### XVIII.

Очнулся Бабулака поздно, когда солнце стояло уже въ самой серединѣ неба. Изъ избы Марицы черезъ улицу доносились визги скрипки, кларнета, гудѣнье контрабаса, пьяные крики и

топотъ танцующихъ, выспавшихся и продолжавшихъ праздновать Бабулакину свадьбу, гостей.

Бабулака съ трудомъ поднялся и сѣлъ. Голову его ломало, въ ушахъ шумѣло; все тѣло болѣло такъ, словно его избивали палками. Онъ повелъ по комнатѣ мутными глазами и увидѣлъ на столѣ бутылку съ виномъ и рядомъ — бѣлый вѣнчальный вѣнокъ Параскивы. Онъ рѣзко, сердясь, позвалъ:

— Параскива!..

Она не отзывалась. Ея въ избѣ не было... Бабулака подумалъ, что она уже у матери, веселится съ гостями.

Онъ всталъ и, едва держась на ногахъ, налилъ себѣ вина и выпилъ. Ему стало какъ-будто легче, но въ головѣ все еще шумѣло, и онъ трясъ и моталъ головой, словно хотѣлъ вытряхнуть изъ нея этотъ неприятный шумъ... Послѣ второго стакана ноги его немного окрѣпли, и онъ рѣшилъ итти къ Марицѣ. Не хорошо, что Параскива и гости полдня гуляютъ безъ него. Еще будутъ смѣяться надъ нимъ и втихомолку говорить о томъ, что онъ слишкомъ старъ для такой молодой жены. А Марица — такъ та прямо скажетъ это, и нарочно еще погромче, чтобы всѣ слышали. У, злая баба!..

Бабулака переступилъ черезъ порогъ и вдругъ остановился, какъ вкопанный. То, что онъ увидѣлъ, являлось какъ бы продолженіемъ его страшнаго сна, и онъ сначала не могъ даже понять, снится ему, или онъ видитъ это на самомъ дѣлѣ. Онъ закрылъ глаза, сжалъ вѣки — и опять открылъ. И увидѣлъ то же: боченокъ съ рыбой сдвинуть съ мѣста, и въ томъ углу, гдѣ онъ раньше стоялъ, земляной полъ разрытъ и развороченъ; тутъ же лежала лопата Марицы съ прилипшей къ ней свѣжей землей...

Ноги Бабулаки вдругъ обрѣли свою обычную живость, онъ бросился въ уголъ, упалъ на полъ и засунулъ обѣ руки въ яму. Сундучка съ деньгами не было!.. Бабулака завылъ, какъ собака надъ покойникомъ, и, не вѣря своимъ глазамъ, снова и снова запускалъ руки въ яму и ощупывалъ ея гладкое дно, на которомъ оттиснулись желѣзныя полосы исчезнувшаго кованнаго сундучка...

Не помня себя отъ гнѣва и горя, онъ выскочилъ изъ избы и, обогнувъ ея уголъ, побѣжалъ въ солончаковое поле и, приложивъ руку щиткомъ къ глазамъ, долго смотрѣлъ въ даль бѣлесоватой степи, залитой нестерпимымъ солнечнымъ блескомъ и зноемъ. Цыганскаго табора не было: ни шатровъ, ни лошадей, ни кибитокъ, — совершенно ровное мѣсто, словно его тамъ никогда и не было. Отъ него не осталось ни малѣйшаго слѣда, онъ какъ-будто провалился сквозь землю... Надъ степью, въ знойной высотѣ неба, рѣяли орлы, на горизонтѣ зыбко струился миражъ синихъ Дунайскихъ водъ и какихъ-то далекихъ садовъ...

Бабулака послалъ куда-то въ пространство проклятіе и, понурившись, вернулся въ избу. Снова присѣлъ въ углу надъ ямой, запустилъ въ нее руки и, вынувъ, сжалъ ихъ въ кулаки:

— А, Параскива!..

Какъ всегда, деньги и теперь были у него на первомъ планѣ. То, что Параскива, повидимому, бросила его и ушла съ цыганомъ, поглощалось тѣмъ, что она унесла его деньги. Потеря Параскивы ступеньвалась передъ такимъ большимъ несчастьемъ, какъ пропажа денегъ. Если бы она вернулась и принесла ему назадъ деньги — онъ безъ всякаго спора отпустилъ бы ее на всѣ четыре стороны. Съ ней ему было легче разстаться, чѣмъ съ деньгами.

Лицо у него было совѣмъ какъ у сумасшедшаго, когда онъ пришелъ къ Марицѣ, — черное, перекошенное, съ красными, дикими глазами, съ кривымъ ртомъ и оскаленными зубами.. Его встрѣтили съ поднятыми стаканами, съ музыкой и поздравленіями, но онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, только бѣгалъ по сторонамъ глазами, ища Марицу. Она побѣжала къ нему, испуганная, уже чувствуя, что случилась бѣда:

— На тебѣ, Бабулака, лица нѣтъ!..

Онъ спросилъ, свирѣпо блуждая глазами:

— Гдѣ Параскива?..

— Да гдѣ жъ ей быть, какъ не у тебя?.. Здѣсь ея нѣтъ!..

— Ушла! — крикнулъ Бабулака, вдругъ приходя въ изступленіе. — Съ цыганомъ!.. Деньги украла!..

Гости ахнули и притихли. Марица, какъ подкошенная, опустилась на лавку. Она едва проговорила поблѣвными губами:

— Ушла?..

— Деньги взяла! — кричалъ Бабулака: — все деньги!.. Табора нѣтъ!.. Солончакъ чистый!..

Вдругъ она всплеснула руками и залилась слезами, говоря:

— Я знала, чуяло мое сердце!

Бабулака кинулся къ ней съ кулаками:

— Ты знала?.. Зачѣмъ не сказала?

Марица отбивалась отъ него, оправдываясь:

— Не то знала, что уйдетъ, а что будетъ какая-нибудь бѣда, потому что такая дѣвушка, какъ Параскива, не пойдетъ просто замужъ за такое чучело, какъ ты!.. Развѣ жъ ты ей мужъ?.. Спроси кого хочешь, все скажутъ: не такого ей нужно человека! Да не лѣзь! — огрызнулась она, съ сердцемъ отталкивая его, и вдругъ яростно набросилась на него, словно онъ самъ былъ во всемъ виноватъ: — А ты гдѣ же былъ?.. Какъ это можетъ быть, чтобы жена ушла послѣ вѣнца отъ мужа?.. Какой ты мужчина послѣ этого?.. Да не вѣрю я, неправда!.. Не можетъ этого быть!.. Ты выдумалъ, чтобы опозорить меня!.. Параскива навѣрно здѣсь гдѣ-нибудь... Параскива!.. Параскива!..

Она звала Параскиву, и все видѣли, что она сама не вѣритъ тому, что Параскива здѣсь и откликнется на ея зовъ. Отъ ея крика Бабулака немного опѣшилъ и смущенно объяснилъ ей и гостямъ, какъ случилось, что отъ него ушла Параскива:

— Опонла!.. Бабулака спалъ!.. Нѣтъ, не спалъ, все слыхалъ — проснуться не могъ... Цыганъ пошелъ и деньги взял... Все деньги!.. У Бабулаки нѣтъ больше денегъ!..

Онъ сѣлъ на лавку и заплакалъ. Голова его тряслась, и сзади на шею прыгали концы платка. Онъ казался всею жалкимъ и несчастнымъ, и гости жалѣли его. Только рыбные торговцы злобно пересмѣивались и шептались между собой съ такимъ видомъ, какъ-будто совѣщались, чѣмъ бы окончательно доконать Бабулаку.

### XIX.

Свадебное пиршество на этомъ и кончилось. Гости разошлись, и Марица съ Бабулакой остались одни. Они сидѣли по разнымъ угламъ, погруженные каждый въ свое горе. Въ домѣ сразу стало пусто и тихо, словно изъ него вынесли покойника, но еще долго пахло виномъ, какъ въ квартирѣ Фишки Бородатого.

Бабулака молчалъ, подавленный тоской о своихъ пропавшихъ деньгахъ. Марица тихо плакала, говоря:

— Безсовѣтная, безстыдница, что едѣлала, — могъ ли кто-нибудь подумать!.. А я-то, дура, хлопочу, беспокоюсь, трачу деньги, изъ кожи лѣзу, чтобы люди не сказали, что жалѣю для своей дочки!.. И куда она теперь пошла?.. Цыганкой станетъ?.. Гадать будетъ?.. Ахъ, ты, горе какое!..

Она еще долго плакала бы и причитала, если бы ее не испугалъ Бабулака, котораго вдругъ осянула какая-то неожиданная мысль. Онъ уперся въ нее сумасшедшими глазами:

— Гдѣ деньги?

Марица съ удивленіемъ и страхомъ посмотрѣла на него:

— Какія деньги?

— Мои!

— Да откуда же имъ быть у меня? Чтѣ ты?

— Ты знала!.. Сама сказала!.. И лопата твоя!.. Съ Параскивой крала!.. Давай деньги!..

Марица даже вскочила отъ обиды и негодованія.

— Чтѣ выдумалъ! Да какъ ты смѣешь? Можетъ, самъ спряталъ да на меня и Параскиву говоришь, чтобы только опорочить!.. — отъ горя и досады она всею разсвирѣпѣла и стала гнать его изъ своего дома: — Пошелъ отсюда! Знать тебя не хочу! Убирайся! Вонъ!

Ея голова была повязана однимъ изъ шелковыхъ платковъ, подаренныхъ Бабулакой, а на плечахъ висѣлъ лиловый шарфъ — его же подарокъ. Бабулака выходилъ изъ себя отъ ярости: она прогоняла его изъ своей избы, когда онъ такъ богато одарилъ ее!

— Давай сюда! Давай назадъ! — кричалъ онъ, дергая за шарфъ. — Свадьбы нѣтъ, Параскивы нѣтъ — подарковъ нѣтъ!..

Марица сорвала съ себя платокъ и шарфъ и, скомкавъ,

швырнула ихъ ему въ лицо. Потомъ кинулась въ другую комнату и черезъ минуту выскочила и швырнула ему еще шелкъ и другой платокъ.

— На!.. — сказала она: — подавись!..

Ей было всею не до него и его подарковъ. У нея губы кривились и дергались отъ подступавшихъ къ горлу рыданій. Какъ-ни-какъ, она потеряла дочь, и кто знаетъ, придется ли ей еще съ ней увидѣться... Она сѣла на лавку и заплакала, закрывъ лицо руками и качая головой.

Бабулака подобралъ шелкъ, шарфъ и платки и, сунувъ ихъ себѣ за пазуху, молча вышелъ изъ избы.

Эти вещи могли ему пригодиться, потому что онъ хотѣлъ пуститься въ погоню за цыганами, и ему нужно было имѣть съ собой на дорогу хоть немного денегъ. Онъ пошелъ прямо къ Фишкѣ, но тамъ его ждала неудача. Фишка утромъ получилъ отъ своего зятя Юськи Китциса письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что Ханна заболѣла; Фишка сильно встревожился и тотчасъ же собрался и поѣхалъ въ Измаилъ. Бабулака показалъ свои вещи Фишкиной старухѣ, Двойрѣ, но та не рѣшалась покупать ихъ безъ мужа.

Въ это время къ стойкѣ подошелъ рыбный торговецъ, одинъ изъ тѣхъ, чтѣ были вчера на свадьбѣ у Бабулаки, — высокій, рыжий, съ краснымъ лицомъ и воровски бѣгающими глазами. Онъ зналъ уже про Бабулакину бѣду и, хитро подмигнувъ ему, спросилъ:

— Пойдешь цыганъ догонять?

Это было сказано съ явной насмѣшкой, и Бабулака, не отвѣтивъ, отвернулся отъ него. Онъ спросилъ Фишкину старуху:

— Не возьмешь?

Двойра покачала головой:

— Подожди, Фишка пріѣдетъ...

— Нельзя ждать, — сказалъ Бабулака: — сейчасъ нужно...

Торговецъ пощупалъ шарфъ, платки и шелкъ.

— Продай мнѣ, — сказалъ онъ: — хорошую цѣну дамъ.

Бабулака подозрительно покосился на него, но тотъ уже имѣлъ совершенно серьезный, дѣловой видъ.

— Не бойся, — сказалъ торговецъ: — вреда тебѣ не будетъ... Я для своей жены, — именинница скоро...

Ему, должно-быть, очень понравились вещи, у него даже глаза разгорѣлись. Бабулака подумалъ немного и отдалъ ихъ ему. Тотъ, не торгуясь, заплатилъ за нихъ два рубля — какъ разъ столько, сколько Бабулака запросилъ.

Двойра съ сожалѣніемъ сказала:

— Ай-яй, дешево! Жалко, что Фишки нѣтъ...

Къ вечеру Бабулака собрался въ путь. Снялъ свой новый костюмъ и снова одѣлся въ прежнюю рвань; голову покрылъ своей плѣшивой бараньей шапкой, туфли съ ногъ вовсе снялъ и оставилъ ихъ въ избѣ. Сломалъ себѣ вмѣсто палки новую вѣтку, сунувъ за пазуху кусокъ хлѣба, заперъ избу и съ закатомъ солнца вышелъ въ солончаковое поле, направившись прежде всего къ тому мѣсту, гдѣ все лѣто и еще вчера стоялъ цыганскій таборъ.

Тамъ онъ нашелъ только сухую, голую землю, на которой цыганскія лошади выѣли и вытоптали весь солончакъ, и черныя пятна отъ костровъ. Больше ничего. Слѣды отъ колесъ кибитокъ шли по направленію къ юго-западу; цыгане, вѣроятно, потянулись къ Байрамчѣ.

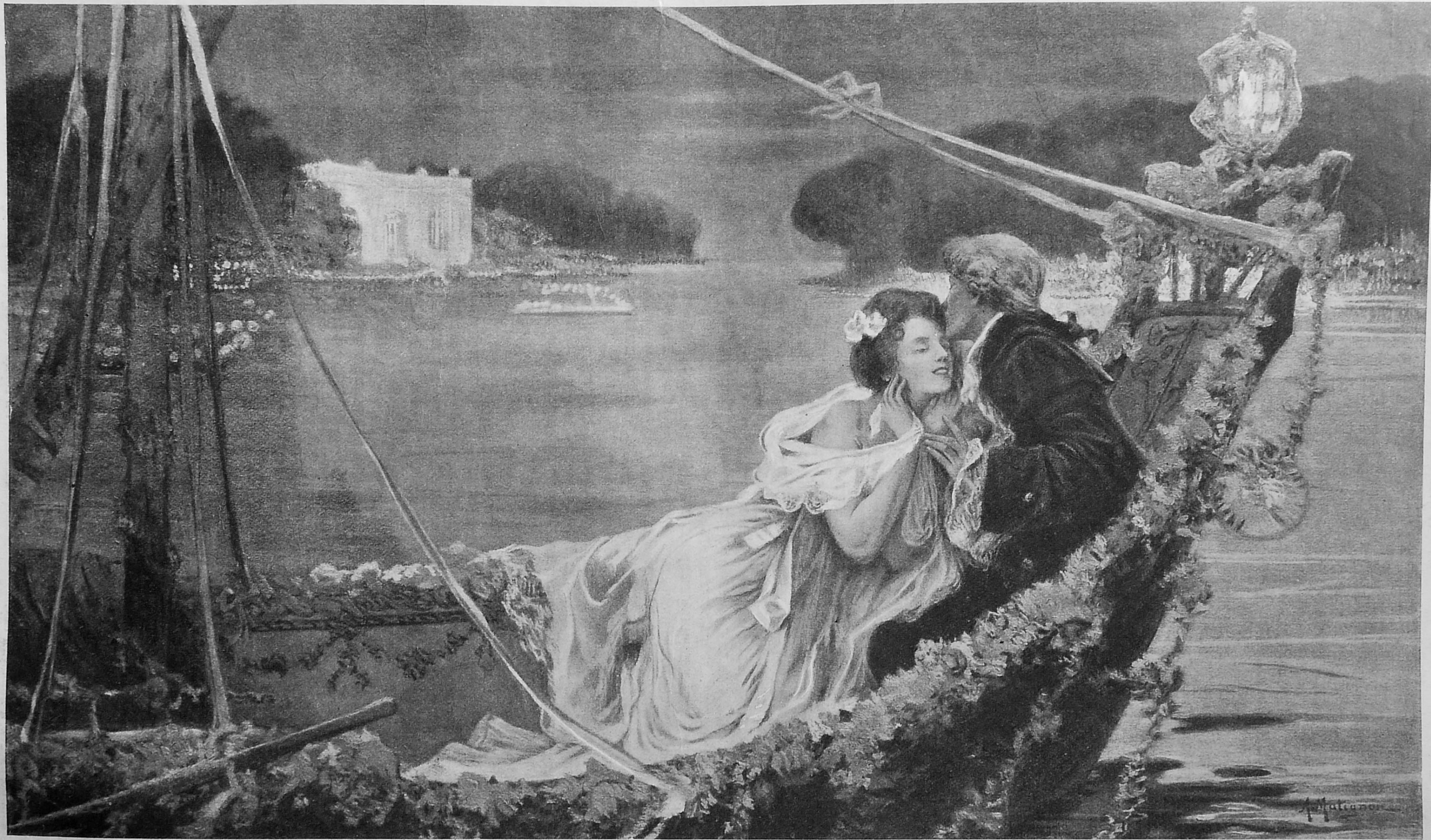
Туда Бабулака и пошелъ.

### XX.

Еще недавно, блуждая здѣсь съ сачкомъ и корзиной для рыбы, Бабулака видѣлъ вокругъ себя свѣтлое, безграничное пространство воды или, скорѣе — неба, вверху и внизу одинаково яснаго, большого и глубокаго. Теперь — куда ни помотришь — лежала безжизненная солончаковая степь, меланхолично простирившаяся во все стороны, сливавшаяся на горизонтѣ съ розово-лиловыми далями вечеряющаго неба. И здѣсь, въ этомъ большомъ, пустомъ полѣ, подъ такимъ же большимъ и пустымъ небомъ, шедшій по бездорожью Бабулака казался маленькой, едва замѣтной точкой на сѣроватомъ фонѣ солончака. Дорога проходила въ сторонѣ и вела не туда, куда ему нужно было идти, потому Бабулака и шелъ прямо по полю, придерживаясь чуть замѣтныхъ на солончакѣ слѣдовъ цыганскихъ кибитокъ.



Г. Свѣтлицкій. Дачники.



А. Матиньонъ.  
„Истомы часъ, мгновенья нѣги“...

Всегда суетливый въ городѣ, онъ въ полѣ не торопился, мѣрно углубляясь въ широкій просторъ, тишину и пустынную ровной степи. Бабулакѣ много уже разъ приходилось дѣлать большіе переходы, какъ онъ самъ рассказывалъ—изъ Бухареста въ Галацъ, изъ Галаца въ Рени, изъ Рени въ Татарь-Бунаръ, изъ Татарь-Бунара въ Килию, и онъ зналъ, что если предстоитъ пройти большое разстояніе—то нужно его брать ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, не торопясь, терпѣливо, иначе скоро выбьешься изъ силъ и не дойдешь въ-время, куда нужно. Онъ понималъ, что цыгане съ такой добычей, какъ его деньги, не станутъ таборомъ гдѣ-нибудь по близости, а уйдутъ возможно дальше, и если они теперь пошли къ Байрамчѣ, то завтра ихъ тамъ уже не будетъ, и ему придется много поколесить по полямъ, пока онъ ихъ настигнетъ.

Бабулака успѣлъ отойти отъ города только на пять верстъ, какъ наступила темная, степная августовская ночь, во мракѣ которой были видны однѣ только звѣзды, роившіяся далеко въ небѣ, падавшія то здѣсь, то тамъ, въ разныхъ направленіяхъ, оставлявшія на своемъ пути на одно мгновеніе золотой или серебряный дугобразный слѣдъ. Казалось, въ небѣ въ глубокомъ молчаніи что-то творилось—таинственное, важное, и звѣзды ныряли по небу въ безпокойствѣ, тревогѣ и страхѣ, срывались съ мѣста и летѣли, сломя голову, въ темныя пространства, какъ-будто спасаясь отъ кого-то или исполняя чью-то неодолимую волю. Все небо было объято этимъ жуткимъ, безпокойнымъ движеніемъ, которое словно отражало состояніе души Бабулаки, охваченной такимъ же безпокойствомъ, такой же тревогой. Тьма почти не останавливала его. Онъ шелъ и шелъ, ничего не видя передъ собой, угадывая лишь по ощущенію въ подошвахъ, что идетъ все еще по солончаку...

Земля за день сильно нагрѣлась и теперь отдавала свою теплоту воздуху, который отъ этого былъ душенъ и горячъ. Только къ утру, когда Бабулака вышелъ наконецъ на дорогу,—потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ, и дышать стало легче... Звѣзды перестали бѣгать и падать, какъ-будто въ небѣ все уже успокоилось и пришло въ обычный порядокъ. И у Бабулаки отъ усталости, казалось, улеглось волненіе, съ которымъ онъ пустился въ свой неопредѣленный и рискованный путь. Онъ присѣлъ на краю дороги, чтобы немного отдохнуть и поѣсть хлѣба.

Въ воздухѣ незамѣтно свѣтлѣло, и стали медленно вырисовываться кругомъ ровныя, пустыя поля, безъ одинаго жилья, холма, бугорка или куста. Недалеко отъ Бабулаки сидѣлъ на пыльной дорогѣ и спалъ, нахохлившись, раскрывъ отъ жажды клювъ, сѣрый кобчикъ. Глаза у него то застывались бѣлой пленкой, то открывались, и онъ въ чуткомъ снѣ не переставалъ прислушиваться къ степной тишинѣ и слѣдить за движеніями Бабулаки. „Вотъ какъ нужно спать, — подумалъ Бабулака: — тогда не украли бы у меня деньги...“ Когда, отдохнувъ и подкрѣпившись, онъ всталъ, чтобы продолжать путь, — кобчикъ встрепенулся, взмахнулъ крыльями и, тяжело поднявшись съ земли, полетѣлъ въ сторону отъ него и скоро исчезъ въ сѣромъ сумракѣ степного разсвѣта.

Немного позже Бабулакѣ встрѣтился обозъ фруктошниковъ, тянувшихся въ Измаилъ къ базару съ яблоками, айвой, персиками и виноградомъ. Онъ спросилъ у перваго изъ нихъ:

— Не видалъ цыганъ?..

Тотъ остановилъ свою лошадь, туно посмотрѣлъ на Бабулаку и махнулъ кнутомъ куда-то въ сторону. Задніе возы тоже остановились.

— Видалъ, — сказалъ фруктошникъ, и въ его тусклыхъ, пустыхъ глазахъ, какъ-будто отражавшихъ пустоту степной равнины, засвѣтилось и задвигалось что-то похожее на любопытство.

Бабулака оживился:

— Гдѣ? .

— У Байрамчи!.. А тебѣ зачѣмъ?..

— Надо!

Къ нимъ подошли остальные фруктошники, но Бабулака уже шелъ дальше. Они стояли и туно смотрѣли влѣдъ этому странному человѣку, которому зачѣмъ-то нужны были цыгане, и тронулись только тогда, когда онъ миновалъ послѣдній возъ обоза. Самый крайній обернулся и крикнулъ ему:

— Эй!..—какъ-будто ему жалко стало, что тотъ ушелъ, ничего не объяснивъ.

Бабулака нашель на дорогѣ оброненную фруктошниками кисть винограда и спряталъ ее за пазуху. Она понадобилась ему, когда солнце поднялось, и его стала мучить жажда. Онъ съѣлъ нѣсколько виноградинокъ и остальное снова спряталъ; ему нужно было идти еще долго, часовъ пять-шесть, въ самое знойное, горячее время дня.

Къ полудню солнце жгло уже такъ сильно, что воздухъ казался раскаленнымъ, какъ въ хорошо натопленной печи, а пыль на дорогѣ такъ нагрѣлась, что обжигала подошвы ногъ, какъ горячая плита. Дышать было нечѣмъ, и Бабулака раскрывалъ ротъ, какъ жаждущая, замученная зноемъ, птица. Но онъ не переставалъ идти, согнувшись, ровнымъ и мѣрнымъ шагомъ, не глядя передъ собой, не обольщаясь миражами, зыбко струившимися на горизонтѣ, манящими яркой зеленою невѣдомыхъ садовъ и свѣжей синевой такихъ же невѣдомыхъ водъ. Орелъ кружился надъ мертвой, выжженной степью съ жалобнымъ клекотомъ, слѣдя съ высоты за Бабулакой, провожая его плавными кругами, готовый, въ случаѣ его смерти, тотчасъ же стремительно опуститься и вонзить въ его тѣло свой сильный кривой клювъ и такіе же кривые острые когти... Нигдѣ не было видно ни клочка тѣни, куда можно было бы укрыться отъ нестерпимаго зноя и блеска безпощаднаго солнца; кругомъ лежала горячая, высохшая, растрескавшаяся земля, изъ которой зной выпилъ влагу до послѣдней капли.

Не задолго до вечера Бабулака увидѣлъ наконецъ вдаль деревья и дома, которые уже не были миражемъ; это и была желанная Байрамча. Но сколько онъ ни вглядывался въ окранныя селенія—нигдѣ не было видно цыганскихъ шатровъ.

Войдя въ село, онъ спросилъ о цыганахъ у мальчика, гнавшего по улицѣ корову. Тотъ, не останавливаясь, крикнулъ:

— Сегодня ушли!.. еще до солнца!..

— Куда?

Мальчикъ махнулъ хворостинной куда-то въ сторону:

— Должно быть, къ Татарь-Бунару!

Бабулака добрелъ до колодца, напилъ воды и легъ у забора, чтобы немного отдохнуть. Предстоялъ еще долгій путь. За цѣлый день цыгане могли уйти очень далеко, и ему не нагнать ихъ, пока они движутся. Хорошо, если они остановятся на время около Татарь-Бунара; а если нѣтъ—ему придется идти еще Богъ знаетъ сколько,—къ Аккерману, а можетъ—и до самой Одессы...

Полежавъ часа два, Бабулака купилъ себѣ на дорогу хлѣба и винограду и вышелъ изъ Байрамчи въ поле, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

## XXI.

Дороги ему были хорошо знакомы,—не разъ ужъ онъ блуждалъ по нимъ, ища въ разныхъ мѣстахъ заработка, пристанища, счастья. Но отдыхъ, который онъ разрѣшилъ себѣ въ Байрамчѣ, оказался недостаточнымъ, усталость все сильнѣе одолевала его, и онъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Байрамчи, повалился у дорогѣ въ сожженную солнцемъ траву и тотчасъ же заснулъ, какъ убитый.

На разсвѣтѣ, освѣженный сномъ, Бабулака снова бодро пустился въ путь.

Опять были кругомъ ровныя, пустыя, мертвыя поля, безгранично широкія, безнадежно открытыя жестокому зною. Опять злое, безпощадное солнце стояло въ огромномъ, безоблачномъ небѣ, проливая на степь цѣлое море нестерпимаго свѣта и тепла. И опять на горизонтѣ то тамъ, то здѣсь всплывали и струились обманчивые миражи, дразнившіе прохладной тѣнью и свѣжестью своихъ призрачныхъ водъ и садовъ.

Бабулака шелъ по нѣсколькимъ часамъ подъ рядъ, отдыхалъ и снова шелъ, утоляя по пути голодь хлѣбомъ, а жажду—виноградомъ. Орлы провожали его, кружа въ высотѣ и зорко слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

Съ наступленіемъ ночи онъ снова легъ у дороги, но рѣшилъ не спать, а только передохнуть и затѣмъ продолжать путь. За цѣлый день онъ сдѣлалъ только полпути къ Татарь-Бунару; за ночь онъ сдѣлаетъ еще четверть пути, а тамъ ужъ останется немного, какъ-нибудь доберется.

Душный, теплый воздухъ, горячая земля, пыль, щекоктавшая въ горло—возбуждали жажду не меньше, чѣмъ дневной зной, и

Бабулака испытывалъ жестокое мученіе отъ непрерывнаго, настойчиваго требованія влаги своего горла и желудка. Только на разсвѣтъ, когда повѣяло легкой прохладой отъ слабой, едва ощущимой, влажности предутренней росы, стало немного легче. Бабулака легъ грудью на землю и сталъ лизать чуть отсырѣвшіе стебли и листья мертвой травы, которую роса уже не могла оживить. Онъ даже бралъ траву въ ротъ и жевалъ ее, и, казалось, она утоляла на время его жажду. Онъ продѣлалъ это нѣсколько разъ, пока не взошло солнце и не высушило это жалкое подобіе росы.

Еще было далеко до полдня, когда дорога передъ нимъ стала подниматься въ гору, на широкій, покатыи холмъ. Бабулака шель, почти ничего не сознавая, какъ заведенная машина, которая движется, пока не раскрутится вся пружина. Въ глазахъ у него мутилось, и небо и дорога ему представлялись красными, какъ кровь. Казалось, онъ весь былъ налитъ этимъ огненнымъ солнцемъ, отъ котораго жгло не только снаружи, но и внутри. Временами онъ даже забывалъ, куда идетъ и зачѣмъ, и помнилъ только, что ему нужно идти и идти.

Достигнувъ вершины холма, онъ сталъ спускаться по другую его сторону, и вдругъ на него откуда-то повѣяло свѣжимъ, прохладнымъ вѣтромъ, какъ-будто здѣсь, гдѣ-то недалеко, была вода. Бабулака даже остановился, и сознание его сразу проявилось. Онъ вспомнилъ, что съ этой стороны подъ холмомъ лежитъ большой ставъ, черезъ который ему уже приходилось когда-то переѣзжать на паромѣ. Отъ этого става до Татарь-Бунара оставалось не больше пятнадцати верстъ.

Дорога сворачивала въ сторону и круто спускалась по обрыву; съ этого спуска уже видны были свѣжія, зеленые ивы, нѣсколько избъ и за ними свѣтлая гладь круглаго, синяго озера-става, поросшаго у береговъ камышомъ и вѣявшаго прохладой чистой ключевой воды.

Бабулака спустился по берегу къ тому мѣсту, гдѣ баба, стоя по колѣна въ водѣ, колотила, согнувшись, валькомъ на камнѣ бѣлье. Несмотря на свою сильную жажду, прежде чѣмъ напиться, онъ крикнулъ ей:

— Цыганъ видала?

Баба выпрямилась, посмотрѣла на него, щурясь изъ-подъ приложеннаго ко лбу валика, и визгливо отвѣтила:

— Видала!

— Гдѣ?

— Тутъ! Ночью на паромѣ прошли!..

Бабулака сталъ на колѣни и приникъ лицомъ къ водѣ, жадно втягивая ее въ себя ртомъ. Баба снова принялась колотить валькомъ. Черезъ минуту она опять подняла голову и спросила:

— А тебѣ зачѣмъ?

Бабулака не отвѣчалъ и не отрывался отъ воды. Она подождала и, когда онъ, напившись, всталъ, снова повторила свой вопросъ, съ любопытствомъ щуря на него свои молодые, насмѣшливые глаза. Бабулака ей не отвѣтилъ и пошелъ къ ивамъ.

— Или цыганка приглянулась? — засмѣялась баба и, не получивъ отвѣта, весело затрещала валькомъ, которому гдѣ-то за ставомъ ясно и звонко отвѣчало эхо.

Бабулака не долго нѣжилъ и отдыхалъ въ прохладной тѣни ивъ. Скоро къ ставу подѣхали двѣ телѣги, которыя паромъ долженъ былъ перевезти на ту сторону, гдѣ продолжалась дорога въ Татарь-Бунаръ. Бабулака успѣлъ только умыться и поѣсть немного хлѣба, какъ уже подали паромъ и на него ввели лошадей вмѣстѣ съ телѣгами. Онъ радъ былъ, что не пришлось долго ждать. Если цыгане здѣсь ночью переправлялись — то онъ, значитъ, отсталъ отъ нихъ всего на полдня пути, и если они остановятся на нѣсколько часовъ въ Татарь-Бунарѣ — онъ ихъ тамъ и настигнетъ.

На одной изъ телѣгъ сидѣлъ килійскій винодѣль, который зналъ Бабулаку и слышалъ о его бѣдѣ. Когда переѣхали ставъ, винодѣль предложилъ подвезти его. Бабулака сѣлъ. Дорогой винодѣль спросилъ:

— Параскивы жалко?

Бабулака разсердился:

— Не надо Параскивы!

Тотъ посвисталъ.

— А деньги не отдадутъ! Чтò къ цыгану пристало, то пропало! Еще тебя убьютъ.

Бабулака насунился и молчалъ.

Въ Татарь-Бунаръ пріѣхали ночью. Здѣсь Бабулака узналъ, что цыгане, не останавливаясь, прошли мимо, къ Аккерману. Онъ отъ досады даже хлопнулъ себя по бедрамъ руками. Винодѣль посоветовалъ ему:

— Плюнь, Бабулака, на это дѣло! Другія наживешь деньги... Завтра ѣду домой, свежу и тебя...

Бабулака молча пошелъ отъ него прочь.

Скоро онъ уже снова шагалъ по степной дорогѣ по направленію къ Аккерману.

## XXII.

Это былъ самый продолжительный переходъ; Бабулака шель съ небольшими передышками два дня и три ночи, а до Аккермана было еще далеко. На третій день у него опять уже не было ни винограда ни хлѣба, и достать было негдѣ. За все время онъ встрѣтилъ на дорогѣ только шарабанъ, въ которомъ сидѣлъ почтовый чиновникъ, развозящій почту, на кожаныхъ мѣшкахъ, съ саблей черезъ плечо и пистолетомъ за поясомъ, и запряженный тройкой экипажъ исправника, тоже вооруженнаго съ ногъ до головы. Ни у того ни у другого Бабулака не рѣшился попросить хлѣба. А селеній или какого-нибудь жилья по пути не попадалось.

Бабулака сильно отошчалъ и ослабѣлъ. Утро третьяго дня застало его сидящимъ у дороги, съ чернымъ, обожженнымъ лицомъ, съ красными, сумасшедшими глазами. Онъ держалъ руками свою голову и качался, какъ маятникъ, изъ стороны въ сторону. Надъ нимъ кружились два орла съ зловѣще-радостнымъ клекотомъ, опускаясь все ниже и ниже. Они такъ обнаглѣли, что ихъ не испугала даже телѣга, поравнявшіеся съ Бабулакой.

Въ телѣгѣ, доверху наполненной фруктами, сидѣла молодая женщина; около нея, положивъ ей на колѣни голову, спалъ мужчина съ закрытымъ отъ мухъ шапкой лицомъ. Поглядѣвъ на Бабулаку, женщина остановила лошадь, взяла что-то съ воза и бросила ему, крикнувъ:

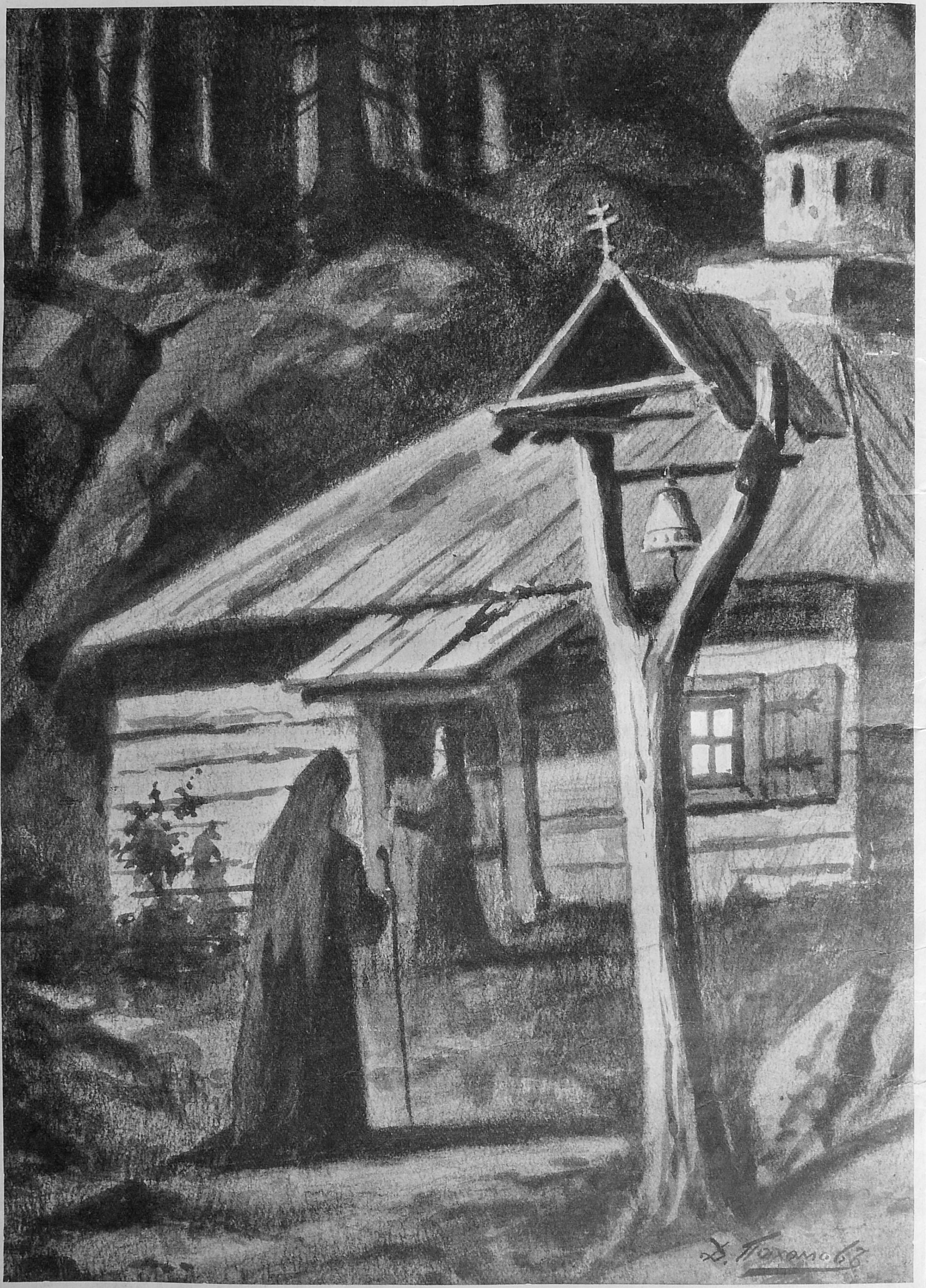
— На! Держи!

Около Бабулаки упали двѣ большія желтыя айвы. Лошадь снова пошла, а женщина обернулась и засмѣялась, увидѣвъ, какъ онъ ползкомъ добрался до айвы и впился въ нее зубами.

На горизонтѣ, съ восточной стороны, съ утра выглядывали бѣлыя, пушистыя облака. Они имѣли такой видъ, словно имъ надоѣло блуждать по ту сторону земли, и они выглянули изъ-за края, чтобы посмотрѣть, чтò дѣлается на этой сторонѣ. Чтобы лучше видѣть, они стали подниматься надъ горизонтомъ, вытягиваться, лѣзть другъ на друга и скоро добрались до середины неба, угрожая солнцу закрыть его совсѣмъ. То, чтò они здѣсь увидѣли, повидимому, имъ не пришлось по вкусу, потому что они стали хмуриться, темнѣть, двигаться взадъ и впередъ, и не прошло и получаса, какъ уже полнеба было закрыто одной сплошной темно-синей тучей съ багровымъ отливомъ на томъ краю которымъ она надвигалась на солнце. Недовольство тучи росло съ каждой минутой, она становилась все темнѣй и грознѣй, и, время отъ времени, изъ ея глубины вырывалось глухое, сердитое ворчанье. Вотъ она коснулась краемъ солнца и слизнула одну его четверть, потомъ другую и третью. Солнце послѣдней четвертью криво, жалко улыбулось и пропало, потонувъ въ темныхъ нѣдрахъ грозно клубившейся тучи. И какъ только скрылось солнце — потянуло свѣжестью, запахло дождемъ, и на степь отъ края до края легла темная задумчивая тѣнь.

По дорогѣ побѣжалъ вихрь, вздымая и крутя высоко въ воздухѣ столбъ пыли. Громъ слышался все ближе и ближе, ворчалъ, перекатываясь мягкимъ зловѣщимъ грохотомъ; и ярко вспыхивала тамъ и здѣсь бѣлая зарница, полыхая словно изъ раскрытаго зѣва тучи и исчезая въ ея сомкнувшихся челюстяхъ.

Когда было закрыто уже почти все небо, и только на западѣ, у самаго горизонта, свѣтилась узкая полоска лазури — наступила мгновенная тишина, торжественная и зловѣщая, говорившая о томъ, что тамъ, вверху, кто-то готовится къ рѣшительному удару. Ослѣпительная молнія зигзагами разодрала тучу надвое и, освѣтивъ всю степь, погасла. И тотчасъ же ударилъ громъ — съ такой



Д. Пахомовъ



Д. Пахомовъ.  
Въ обители.





силой, что Бабулака упалъ на землю и закрылъ голову руками. Ему показалось, что само небо рухнуло внизъ... А за громомъ шумно, широко и свѣжо хлынулъ дождь, цѣлыми потоками низвергаясь на высохшую, изжаждавшуюся, омертвѣвшую отъ долгой засухи степь...

Дождь шелъ цѣлый часъ, не ослабѣвая, съ одинаковымъ шумомъ, обиліемъ и силой и прекратился сразу, какъ бы по чьему-то властному мановенію. Туча продолжала ползти все въ томъ же направленіи, и уже съ другой стороны открылась у горизонта полоска лазурнаго неба, которая расширялась съ каждой минутой. А тамъ, гдѣ раньше видѣлась лазурь, клубились обрывки обез-

силѣвшей тучи, торопившейся уйти отъ этихъ скучныхъ степей съ отдаленнымъ, глухимъ ворчаньемъ недовольства и злобнымъ мерцаніемъ зарницъ...

Бабулака промокъ до послѣдней нитки, но зато вдоволь напился воды и поправился такъ, словно теперь только начиналъ свой путь. И хотя солнце снова жарило и, казалось, съ удесятенной силой, и черезъ какой-нибудь часъ отъ дождя не осталось ни малѣйшаго слѣда ни на землѣ и травѣ ни на одеждѣ Бабулаки — все же его свѣжесть онъ чувствовалъ еще нѣкоторое время внутри себя и шелъ весело и бодро...

(Окончаніе слѣдуетъ).

## Лощлуй.

Юльскій полдень колдовалъ,  
Стеклянной тканью зной струился,  
Душистый вѣтеръ набѣгалъ  
И жаркимъ вздохомъ уносился.

Кивали сонные цвѣты  
Травѣ измученно-зеленой,  
И вѣтеръ трогалъ за листы  
Рукой ласкающе-влюбленной.

Они сидѣли, какъ въ бреду,  
Скамейка пальцы обжигала,  
Жужжали пчелы на лету,  
И гдѣ-то музыка звучала.

Шурша, сливался листъ съ листомъ...  
И снова звуки набѣгали,

Смѣялись въ зноѣ голубомъ  
И сладко сердце обвиняли.

Глядѣла неба глубина,  
Струила огненные жала,  
И смутнымъ звономъ тишина  
Въ нагрѣтомъ воздухѣ дрожала.

Касался жаркаго виска  
Тяжелый локонъ легкой дрожью,  
И тихо зонтикомъ рука  
Писала знаки у подножья.

Звала лукавая мечта...  
Глаза мерцали и темнѣли,—  
И, какъ въ огнѣ, слились уста,  
И щеки, сблизясь, заалѣли...

К. Одинцовъ.

## Контрабандисты.

Разсказъ Еолеслава Пруса. (Съ польскаго).

(Окончаніе).

Въ этомъ плачевномъ положеніи засталъ отца Петька, котораго уже отпустили съ кордона. Увидавъ въ хатѣ страшный беспорядокъ, разбитую утварь, веревку на перекладинѣ и отца на полу, контрабандистъ вскричалъ:

— Чтò съ вами случилось, тятенька?..

— Ящикъ съ драгоценностями украли! — стоналъ скряга. — Ахъ, ты, негодяй этакій! Ты не сказалъ, гдѣ онъ, и вотъ видишь теперь!

Но извѣстіе о похищеніи ящика не произвело на Петьку ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Украли? — переспросилъ онъ. — Чортъ съ нимъ!.. Въ немъ были не драгоценности, а порохъ изъ нѣмецкаго арсенала...

— Порохъ?.. Не драгоценности? — изумился старикъ, глядя на сына недоумѣвающими глазами. — А ты почему знаешь?

— На кордонѣ сказывали.

Старикъ почувствовалъ страшную боль въ ногѣ.

— Петька, — обратился онъ къ сыну: — потяни-ка мнѣ ногу, а то я ее вывихнулъ.

Сынъ осмотрѣлъ ногу, сказалъ, что она сильно вывихнута, и приступилъ къ операціи. Старикъ обѣими руками ухватился за порогъ. Петька взялъ его за ногу и рванулъ изо всѣхъ силъ.

— Караулъ! — закричалъ старикъ и лишился сознанія.

Однако Петька скоро привелъ его въ чувство. Потомъ онъ снялъ съ шеи отца остатки веревки и перенесъ больного на скамейку.

Отецъ стоналъ и пробовалъ, дѣйствуетъ ли нога, медленно и съ усиленіемъ пошевеливая ею.

— Петька, — сказалъ онъ: — а посмотри-ка подъ скамьей, нѣтъ ли тамъ тряпки?

Петька нагнулся, желая подать отцу тряпку, но въ этотъ моментъ старикъ хватилъ сына кулакомъ по уху. У контрабандиста загудело въ головѣ.

— За что вы меня бьете, тятенька? — спросилъ онъ, обидѣвшись.

— Порохъ — не порохъ, а ты обязанъ былъ отдать ящикъ отцу. Ты хотѣлъ быть важнымъ паномъ самъ, безъ меня, такъ теперь убирайся вонъ изъ моей хаты... Не смѣй показываться мнѣ на глаза! Околѣвай у забора, но сюда не приходи, а то убью, какъ собаку!

И, схвативъ полѣно, онъ хотѣлъ ударить имъ сына. Но Петька успѣлъ убѣжать.

Мать контрабандиста, счастливо избѣжавъ удара топоромъ, безъ памяти и безъ оглядки бѣжала впередъ. Ее нѣсколько не удивляли ни безумный гнѣвъ мужа ни его свирѣпость.

„Онъ правъ! — думала старуха. — Не надо было скрывать отъ него ящикъ. Старикъ вѣдь не вѣченъ, и ящикъ опять вернулся бы къ намъ. А теперь не придется попользоваться ни ему ни намъ“.

Старуха считала себя погибшей окончательно, думая, что и сынъ возненавидитъ ее такъ же, какъ и мужъ.

„И подѣломъ мнѣ, — думала она: — зачѣмъ я не уберегла сокровища, которое осчастливило бы всю семью до конца жизни!..“

Несмотря однако на отчаяніе и на не выдохшійся окончательно хмель, баба старалась угадать: кто укралъ ящикъ?

Сегодня въ ихъ домѣ были объѣздки, войтъ, писарь и братья Цымесы — Мошка и Абрумка. Уже одно перечисленіе лицъ проливалось нѣкоторый свѣтъ на все дѣло: изъ всѣхъ посѣтителей Мошка и Абрумка больше всего походили на смѣлыхъ воровъ, пользующихся всегда удачей въ своихъ предпріятіяхъ.

Баба вспомнила, что оба братья принесли ей по сороковкѣ водки, что Абрумка долго бесѣдовалъ съ нею, и что, какъ ей показалось, около полудня Мошка былъ у нихъ на дворѣ.

— Они украли! — вдругъ вскрикнула старуха и со сжатými кулаками побѣжала въ лавочку Цымесовъ.

Дѣйствительно, она не ошиблась. Въ то время, какъ Абрумка бесѣдовалъ съ нею и угощалъ ее второй сороковкой, Мошка извлекъ со дна ямы ящикъ, обернулъ его въ платокъ и ушелъ домой, условнымъ сигналомъ давъ знать брату, что дѣло кончено.

Въ лавочкѣ они безъ труда вскрыли ножомъ деревянный ящикъ и нашли въ немъ довольно большую, объемомъ въ гарнецъ, жестянку. Въ жестянкѣ было нѣсколько трещинъ и дырокъ, черезъ которыя вода просачивалась внутрь. Но все-таки открыть ее было трудно — такъ крѣпко была припаяна крышка.

Братья пробовали-было однимъ долотомъ вскрыть жестянку, но тщетно. Пришлось прибѣгнуть къ помощи молотка и обрѣзать жесть по спаю.

Абрумка уже вооружился инструментами, чтобы приступить къ операціи, за которой наблюдалъ караулившій у двери Мошка, какъ вдругъ послышался громкій крикъ Петькиной матери. Вся перепачканная и мокрая, баба бѣжала вдоль рынка съ поднятыми вверхъ руками и громко визжала:

— Воры! Обокрали моего сына!.. Вынули изъ выгребной ямы цѣлый ящикъ драгоценностей!

За пьянчугой слѣдовала толпа зѣвакъ, къ которой присоединялись случайные прохожіе.

Это шествіе было весьма не на руку братьямъ Цымесамъ. Лавочка была, чтò фонарь — со всѣхъ сторонъ окна, и ничего не стоило заглянуть въ нее и застать ихъ за вскрытіемъ драгоценнаго ящика!

Не желая поэтому вводить въ соблазнъ порядочныхъ людей и учинять непріятный скандалъ, братья оставили за прилавкомъ сестру Рухлю, а сами помчались задворками въ домъ своего родителя. Толпа стояла уже у оконъ ихъ лавочки, и мать Петьки ругала Цымесовъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Мошка и Абрумка вбѣжали въ альковъ, гдѣ лежалъ отецъ, и сказали стонавшему паралитику:

— Папаша! Мы принесли жестянку, въ которой находятся зо-

лотые перстни, браслеты и часы. Надо отбить крышку вот этим долотомъ, а вещи бросить въ бочку съ огурцами.

Юська Цымесъ хотѣлъ-было изругать сыновей за вчерашнюю непочтительность, но, услыхавъ о драгоцѣнностяхъ и увидавъ изрядную жестянку, смягчился.

Сыновья всунули ему подъ перину жестянку, одну половину которой положили на ребро кровати, и снабдили старика долотомъ и молоткомъ.

— Не осилю! — стоналъ паралитикъ. — Это очень толстая жесть, у меня дрожать руки, и я не могу повернуться...

— Вы, папаша, скорѣе отбивайте крышку, а то еще войдетъ кто-нибудь! — прикрикнулъ на отца Мошка. — А мама пускай сядетъ у окна и плачетъ, что отецъ, молъ, находится при смерти... Ты же, Абрумка, надѣнь длинную рубаху и молись, да такъ, чтобы все въ виднѣ было, а я...

Онъ не успѣлъ кончить, увидавъ, что толпа, во главѣ съ матерью Петьки, приближается къ дому стараго Цымеса. Не долго думая, Мошка схватилъ первый попавшійся деревянный ящикъ, выскочилъ изъ хаты, втерся въ задніе ряды толпы и крикнулъ:

— Эй, старая Ева!.. Смотри-ка, вотъ онъ, твой ящикъ!

Баба, увидавъ Мошку съ ящикомъ подъ мышкой, погналась за нимъ съ руганью и плачемъ. Толпа дѣтей и подростковъ побѣжала за ними. Съ дикими криками, смѣхомъ и свистомъ толпа оборванцевъ стала носиться по рынку.

Съ основанія мѣстечка жители его еще не видывали подобнаго скандала. Еврей бѣжалъ рысью, раздражая бабу видомъ ящика и крича: „сумасшедшая... сумасшедшая!..“ Она мчалась со всехъ ногъ и бросала въ него камнями, а толпа мальчишекъ гарцовала по всему рынку и бѣсновалась, крича во всю глотку:

— Мошка воръ!.. Ева сумасшедшая!..

Этимъ маневромъ Мошка отвлекъ наиболѣе необузданныхъ зрителей отъ мѣста, гдѣ его отецъ вскрывалъ таинственный ящикъ. Хитрый еврей рассчитывалъ еще на то, что на рынокъ можетъ прійти городской, который долженъ будетъ арестовать его и бабу и отправить ихъ въ гминную канцелярію. Такимъ образомъ домъ отца и украденныя драгоцѣнности были бы въ полной безопасности.

Однако нѣсколько человѣкъ болѣе солидныхъ мѣщанъ не сочли для себя удобнымъ присоединиться къ уличникамъ и оборванцамъ. Они столпились у дома разбитаго параличомъ Цымеса и, видя, что его жена сидитъ у окна и рыдаетъ, а рыжій Абрумка молится въ смертной рубахѣ, стали спрашивать:

— Чтò это у васъ случилось, пани Цымесъ?

— Несчастіе, — плакалась еврейка. — Мой мужъ Юська очень боленъ, мечется по кровати и, кажется, уже умираетъ, а эти негодяи гоняются по рынку за моимъ сыномъ и называютъ его воромъ!

Абрумка бормоталъ молитвы и усердно раскачивался, но все-таки правымъ глазомъ глядѣлъ на рынокъ, гдѣ происходилъ своеобразный бѣгъ взапуски его брата, а лѣвымъ ухомъ прислушивался, ударяетъ ли отецъ молоткомъ по долоту. Когда старикъ уставалъ и дѣлалъ передышку, Абрумка, бормоча молитву, побадривалъ отца словами:

— Папаша, бейте!

— У меня устали уже руки! Я не могу повернуться въ кровати... — стоналъ паралитикъ, собираясь съ силами и опять принимаясь за работу. — Вы слишкомъ далеко засунули жестянку подъ перину, ее надо выдвинуть на ребро, — продолжалъ ныть по-еврейски Юська.

Но Абрумка не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на эти жалобы и только твердилъ:

— Папаша, бейте!

Наконецъ паралитикъ, раздосадованный сопротивленіемъ жести и понуканіемъ сына, разсердился:

— Да покараетъ васъ Богъ, негодяи, за все огорченія, которыя вы мнѣ причиняете!.. Я не осилю этой жестянки!

И онъ гнѣвно сталъ ударять по жести съ болѣею силой. Абрумка же въ смертной рубахѣ продолжалъ качаться, то и дѣло приговаривая:

— Папаша, бейте!..

Баба, спотыкаясь отъ усталости, не переставала бѣгать по рынку за Мошкой, который бросилъ наконецъ ящикъ на землю и пошелъ въ свою лавочку.

Тутъ произошло событіе, неслышанное не только въ исторіи этого мѣстечка и гмины, но и цѣлаго уѣзда.

Въ минуту, когда Абрумка крикнулъ громче: „папаша, бейте“, а разбитый параличомъ Юська ударилъ по жестянкѣ сильнѣе — послѣдовалъ взрывъ...

Раздался глухой гулъ, похожій на орудійный выстрѣлъ. Силою взрыва Юську подбросило до потолка, а потомъ онъ упалъ на осколки разбитой кровати. Его жена и сынъ выскочили въ окно на улицу. Изъ всехъ отверстій дома повалилъ густой, бѣдкій дымъ съ запахомъ сѣры.

— Караулъ!.. Пожаръ! — кричалъ перепуганный Абрумка.

— Юська убитъ! — вопила еврейка.

— Это порошокъ взорвался! Порохъ, — говорили взволнованные мѣщане.

Къ мѣсту происшествія немедленно примчался Мошка, весь посянѣвшій отъ страха.

Присутствовавшіе при взрывѣ, перебывая другъ друга, стали разсказывать, чтò произошло.

— У васъ взорвался порошокъ, вашъ отецъ убитъ!..

— Въ жестянкѣ были не золотыя вещи, а порошокъ, — стоналъ Абрумка.

Въ мозгу Мошки молніей пронеслась мысль:

„Какое это счастье, что не я открывалъ жестянку!.. Бѣдный отецъ! Но онъ былъ уже старъ и два года не могъ двинуться съ кровати...“

Вдругъ — о чудеса!

Юська — покойникъ, Юська, столь безпомощно лежавшій на кровати, — показался на окнѣ въ клубахъ дыма. На немъ были короткая рубаха и шерстяной жилетикъ — цыцелесъ, и онъ былъ совершенно здоровъ. Съ легкостью юноши онъ прыгнулъ съ подоконника на землю и, полнымъ галопомъ промчавшись по рынку, выбѣжалъ за городъ и потомъ еще нѣсколько минутъ гарцовалъ на лужайкѣ!

Дѣло выяснилось. Петька нашель въ рѣчкѣ не драгоцѣнности, но жестянку съ порошкомъ и гремучей ртутью. Вслѣдствіе трещины, порошокъ подмокъ, и происшедшій взрывъ былъ очень слабъ.

Домъ пострадалъ мало. Въ немъ только лопнули стекла и рухнула перегородка алькова. Искрѣленію же стараго Юськи способствовалъ испытанный имъ испугъ, подъ влияніемъ котораго парализованные нервы возобновили свою жизнедѣятельность.

Однимъ словомъ, все кончилось очень благополучно, но ни Мошка ни Абрумка не были довольны такой развязкой. Имъ дороже были драгоцѣнности, чѣмъ выздоровленіе отца: они испытывали непріятное разочарованіе, считали себя потерпѣвшими убытокъ и, чтобы возмѣстить хоть часть его, пошли къ войту въ канцелярію.

Войтъ, которому были уже извѣстны подробности взрыва, сначала поздравилъ Цымесовъ съ чудеснымъ излѣченіемъ ихъ отца, а затѣмъ намекнулъ, что по этому дѣлу можетъ произойти слѣдствіе:

— Откуда у васъ взялся порошокъ? Вѣдь такихъ вещей нельзя держать дома!

— Какой порошокъ? — удивился Мошка. — Отецъ нашъ чувствовалъ себя много лучше уже съ утра и такъ развозился на кровати, что обрушилась перегородка алькова. Отъ этого въ домѣ раздался гулъ, поднялась скопившаяся пыль, а глупые люди пустили слухъ, что выпыхнулъ порошокъ. Зачѣмъ быть у насъ пороху?

Войтъ покачалъ головой и удовлетворился этимъ объясненіемъ, чувствуя, что съ Мошкой воевать не слѣдуетъ.

Но теперь Мошка самъ перешелъ въ наступленіе.

— Какъ же теперь быть, панъ войтъ, съ шелкомъ? — спросилъ онъ. — Тамъ были два куска стоимостью въ сто пятьдесятъ рублей. У пана войта украли или что-то въ этомъ родѣ... а начальникъ спрашиваетъ.

Войтъ перекрестился.

— Чтò ты брешешь, нехристь? — спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на Мошку. — Еще этого не хватало — я сдѣлалъ вамъ милость, спрятавъ шелкъ, а ты толкуешь о деньгахъ...

Лицо Мошки приняло дерзкое выраженіе, и онъ сталъ громко кричать:

— Какъ это милость?.. Кому милость? Панъ войтъ себѣ сдѣлалъ милость этой пропажей, а намъ сдѣлалъ несчастіе, потому что начальникъ требуетъ! Это были пломбированные куски, съ оплаченной пошлиной... У меня имѣется квитанція!

Войтъ взъерошилъ сѣдые волосы.

— Царица Небесная!.. Вѣдь эти живодееры подозрѣваютъ меня въ кражѣ шелка! — возопилъ онъ.

— Мы васъ ни въ чемъ не подозрѣваемъ, — сказалъ Абрумка. — Мы только желаемъ вернуть часть убытковъ. Шелкъ стоитъ сто пятьдесятъ рублей. Мы заплатимъ пятьдесятъ рублей, вы, панъ войтъ, дадите сто, и такимъ образомъ, хотя и съ убыткомъ, мы вывернемся изъ труднаго положенія...

Маленькій писарь сидѣлъ неподвижно, словно его привинтили къ столу, и, когда войтъ спросилъ его:

— Чтò тутъ дѣлать?

Отвѣтилъ:

— Надо дать имъ сто рублей, и пускай убираются ко всемъ чертямъ.

— Да гдѣ я возьму сто рублей? — жалобно спросилъ войтъ. — У меня вѣдь нѣтъ такихъ денегъ!

— У васъ, панъ войтъ, найдется и тысяча рублей, — ввернулъ Мошка. — Но я человѣкъ добрый. Я не буду дѣлать вамъ непріятностей, панъ войтъ, и возьму съ васъ только расписочку...

Дѣлать было нечего. Писарь приготовилъ расписку на сто рублей, и войтъ послѣ продолжительнаго колебанія со слезами на глазахъ подписалъ ее.

Не успѣлъ еще Мошка спрятать въ карманъ расписку, какъ въ канцелярію влетѣлъ Петька, злой, какъ чортъ.

— Вы здѣсь, мошенники! — крикнулъ онъ. — Теперь я разскажу все!

И, повернувшись лицомъ къ войту и писарю, онъ началъ:

— Смотрите, господа! Они украли у меня эту жестянку съ порошкомъ, думая, что въ ней находятся драгоцѣнности. Черезъ этихъ живодееровъ отецъ прогналъ изъ дома меня и мою мать и самъ хотѣлъ повѣситься.

— Жалко, что не повѣсился, а то ты, Петька, былъ бы сегодня богатымъ человѣкомъ! — съ иронической усмѣшкой замѣтилъ Мошка.

— Погоди, это еще не все!—продолжалъ Петька.—Панъ войтъ, я видѣлъ ихъ сегодня ночью, какъ они воровали что-то изъ вашего овина, а они хотѣли свалить это на меня...

Войтъ и писарь поднялись со своихъ мѣсть.

— Отдай, еврей, мою расписку на сто рублей, коли ты самъ укралъ шелкъ!—вскричалъ войтъ.

— Я не кралъ, онъ лжетъ, этотъ Петька, онъ долженъ мнѣ цѣлую уйму денегъ!—возразилъ Мошка.

— Пойдемъ въ судъ, коли такъ!—не унимался войтъ.

Мошка, оперши руки на столъ и глядя въ глаза войту, спокойно сказалъ:

— Въ чемъ вы будете обвинять меня, панъ войтъ? Вы не докажете мнѣ, что я укралъ, но зато судъ узнаетъ, что вы укрываете у себя контрабанду.

Когда старый мужикъ, чувствуя свою беспомощность, безсильно упалъ на стулъ, Мошка спросилъ его со смѣхомъ:

— Ну, что же, будемъ судиться?..

— Убирайся прочь, гадина!—крикнулъ войтъ. — Да покараетъ тебя Богъ за мою обиду!

Мошка и Абрумка вѣжливо поклонились войту и медленно отошли къ двери. Дойдя до порога, Мошка сказалъ Петькѣ:

— Ну, Петька, иди съ нами, если тебя отецъ прогналъ изъ дома. А въ другой разъ не бунтуй, не прячь находки и на насъ не сплетничай!

— Не иди ты съ этими ворами. Душу погубишь съ ними!—урезонивалъ Петьку войтъ.

— Иди, Петька, говорю тебѣ въ послѣдній разъ!—настаивалъ Мошка.

— Возмись лучше за честный трудъ, а ихъ, негодяевъ, брось!—продолжалъ увѣщевать войтъ.

Петька колебался, раздумывалъ и наконецъ отправился съ евреями.

Когда вскорѣ послѣ этой сцены войтъ вернулся домой, онъ былъ желтъ, какъ лимонъ, и, словно маленькое дитя, плакалъ о своихъ ста рубляхъ. Жена прикрикнула-было на него, но, видя, что дѣло плохо, уложила его въ постель и сказала:

— Ну, не плачь, Семень!.. Я дамъ тебѣ рвотнаго—и ты сейчасъ же почувствуешь облегченіе.

— Ужъ очень это мерзко,—отвѣтилъ войтъ.

— Ничего дурного тебѣ не будетъ. Магда, протяни-ка перышко черезъ чубукъ...

И опять повторилась операція—щекотаніе войтова зѣва утинымъ перышкомъ, пропитаннымъ табачнымъ сокомъ.

Войта вырвало со страшною силой, но съ отличнымъ результатомъ.

— Ну, какъ? Легче тебѣ теперь?—спросила старуха.

— Охъ, легче!

— Ну, теперь спи, а завтра подавай въ отставку. А то тебя вгонять въ могилу съ этой проклятой должностью.

Кончая этотъ разсказъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать пару словъ о дальнѣйшей судьбѣ дѣйствующихъ здѣсь лицъ.

Войтъ дѣйствительно подалъ въ отставку. Онъ благодаритъ Господа Бога, что сотнею рублей отдѣлался отъ опаснаго знакомства съ Мошкой и Абрумкой.

Писарь, жена котораго не могла обойтись безъ шелковыхъ платьевъ, продолжалъ сохранять связи съ Цымесами. Это довело его до разныхъ злоупотребленій, за которыя онъ былъ лишень должности. Въ концѣ концовъ онъ сдѣлался подпольнымъ адвокатомъ.

Старый скряга былъ неумолимъ и такъ-таки не принялъ въ домъ ни жены ни Петьки.

Баба нѣкоторое время шлялась по мѣстечку, запила еще хуже и умерла отъ удара. Петьку же поймали на границѣ съ контрабандой и засадили на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму.

Мошка и Абрумка дѣлаютъ прекрасныя дѣла и уже нажили порядочное состояніе. Они слывуть за ловкихъ и умныхъ людей и держатъ въ своихъ рукахъ всю округу.

Почтенный отецъ ихъ, старый Цымесъ, нѣкогда параличный, пользуется отличнымъ здоровьемъ и „торгуетъ деньгами“.

Люди, знающіе мѣстечко, глядя на грустный конецъ писаревой карьеры и на разореніе Петькиной семьи, а также на быстрый ростъ Мошкина и Абрумкина благополучія, часто повторяютъ поговорку: „Однихъ брѣть шило, а у другого бороду не беретъ и бритва“.

## Вопросъ.

Разсказъ Л. Фрапье.

Инспекторъ, начальникъ училищъ, Рюдъ, только-что переведенный на службу въ новый департаментъ, отправлялся съ официальнымъ визитомъ къ своему начальству, префекту департамента.

Волею судьбы оказалось, что они знали другъ друга еще тридцать лѣтъ тому назадъ, будучи коллегами по факультету. Въ силу этого обстоятельства дѣло у нихъ обошлось безъ обычныхъ служебныхъ формальностей, и между ними немедленно завязалась дружеская бесѣда.

Между прочимъ, у нихъ зашелъ разговоръ о служебномъ персоналѣ въ педагогическомъ мѣрѣ. Но говорили они не какъ представители служебной іерархіи, а просто-напросто, какъ люди: говорили не съ ограниченной точки зрѣнія педагогики, но съ неограниченной точки зрѣнія человѣческой солидарности.

Въ силу необходимости, они остановились на учительницахъ: однѣ изъ нихъ оказались добрыми, другія прямо-таки великолѣпными; однѣ были крестьянскаго происхожденія, другія—городского; однѣ вышли изъ народа, другія—изъ мелкаго мѣщанства, третьи—изъ состоятельныхъ классовъ; однѣ—съ небольшою подготовкой, другія—съ такими-то и такими-то дипломами.

Съ глазу на глазъ они обмѣнивались такими истинами, которыя составляютъ тайну для простыхъ смертныхъ, даже для лицъ заинтересованныхъ,—тайну людей власть имущихъ, которую неудобно разглашать. Вотъ, на примѣръ, такого рода тайна: достоинство учительницы заключается не въ ея научномъ багажѣ, но является вопросомъ сердца: женщина, любящая дѣтей, можетъ, помимо всякихъ научныхъ дипломовъ, знать свое дѣло лучше всякой другой. Но объ этомъ молчокъ! Была ли бы возможность управляться со всеми этими назначеніями, переводами, увольненіями, не будь спасительной фикціи академическихъ дипломовъ?

Но вотъ среди разговора префектъ, высокій худощавый мужчина, имѣвшій видъ офицера-кавалериста, съ бѣлыми усами, всталъ со своего мѣста за письменнымъ столомъ и подошелъ вплотную къ пылающему камину.

— Знаете что, Рюдъ, я скажу вамъ одну вещь, которая васъ очень удивитъ: въ округѣ, ввѣренномъ вашему попеченію, имѣется одна учительница, которую я самъ назначилъ, и которая попала на свое мѣсто прямо изъ одного изъ парижскихъ притоновъ!

— Какъ?—подскочилъ инспекторъ, человекъ средняго роста, съ просѣдою, по внѣшности напоминавшій самыхъ строгихъ правилъ нотаріуса.

Префектъ продолжалъ невозмутимо дальше:

— Выросшая въ довольствѣ молодая дѣвушка, образованная, нравственная, остается въ одинъ прекрасный день на улицѣ безъ средствъ къ существованію, не имѣя буквально, гдѣ преклонить голову. Она бродитъ голодная и безсознательно дѣлается

жертвой торговли живымъ товаромъ, съ которой случайно столкнулась на улицѣ. И вотъ она подъ ключомъ, ей выпала позорная доля, подобная мучительно-долгой казни. За нею зорко слѣдятъ и не даютъ ей спастись хотя бы путемъ самоубійства. Все же въ концѣ концовъ, благодаря анонимному доносу, дѣло это дошло до свѣдѣнія общества защиты женщины—оно вмѣшалось и добилось освобожденія плѣнницы. Убѣдившись, что душа ея осталась незатронута, мнѣ предложили ее въ качествѣ учительницы, не скрывая отъ меня ея прошлаго. Я не могъ отказать, не измѣнивъ своимъ лучшимъ убѣжденіямъ. И результатъ тотъ, что прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ отправленіе своихъ обязанностей, а со всѣхъ сторонъ идутъ о ней одни только хвалебные отзывы.

— Это меня не слишкомъ удивляетъ,—возразилъ инспекторъ не совсемъ увѣреннымъ тономъ.—И все-таки...

— И все-таки,—продолжалъ префектъ:—немного времени спустя послѣ ея поступленія ей пришлось перевести на другое мѣсто. Я не могъ предвидѣть нѣкоторыхъ обстоятельствъ... Я назначилъ ее въ такую школу, гдѣ была одна бѣднота...

— Что жъ это значить?—спросилъ инспекторъ, уже враждебно настроенный.

— Это значить, дорогой мой, что она начала голодать. Понимаете вы? Эта женщина, которая не умерла съ голода на улицѣ въ Парижѣ, могла въ самомъ буквальномъ смыслѣ умереть съ голода, отдавая послѣдній кусокъ свой той бѣднотѣ, которая наводнила ея школу.

— Она, по всей вѣроятности, въ высшей степени симпатична и сразу выдается своей исключительностью.

— Ложное предположеніе съ вашей стороны,—заявилъ префектъ.—Лицо ея не представляетъ собою ничего исключительнаго. Да вотъ что! Вамъ придется въ вашемъ округѣ посѣтить около двухсотъ женскихъ училищъ. Держу пари, что вамъ не угадать моей Магдалины на основаніи однихъ только внѣшнихъ заключеній.

Инспекторъ выпрямился:

— Пари!.. Дорогой мой префектъ, за мной имѣется двадцатилѣтній опытъ, и у меня есть также нѣкоторое профессиональное самонѣніе. Знаете, что я вамъ скажу? Вашу учительницу я берусь узнать изъ тысячи ей подобныхъ! Я найду ее безъ всякаго непосредственнаго разсматриванія ея и даже почти не стану смотрѣть на нее!

Префектъ недовѣрчиво улыбнулся:

— Вы хотите открыть ее наблюденіями надъ дѣтьми? Вы думаете, что вамъ ее выдадутъ ея ученицы? Это, правду сказать, сильное средство, настолько сильное, что я готовъ держать съ вами пари. Заключимъ такое условіе. Черезъ шесть мѣсяцевъ, какъ разъ въ то время, когда вы закончите свой объѣздъ школъ,

я буду занятъ представленими къ ордену Почетнаго Легиона. Если вы сообщите мнѣ тайнственное имя, то вашимъ именемъ будетъ отмѣченъ въ списокѣ представляемыхъ къ ордену Почетнаго Легиона самый замѣчательный инспекторъ начальныхъ училищъ въ моемъ департаментѣ.

Инспекторъ отправился въ свой круговой объездъ. Въ виду того, что его округъ относился къ числу промышленныхъ, его школьное населеніе было весьма значительно.

Онъ переѣзжалъ изъ школы въ школу, имѣя главной цѣлью вѣрное рѣшеніе задачи префекта. Но, помимо вопроса самолюбія, имъ руководило еще мужское любопытство:

„Онъ узнаетъ тайну, которая до сихъ поръ была извѣстна одному префекту! Они, двое мужчинъ, обмѣняются между собой однимъ женскимъ именемъ словно двое единомышленниковъ...“

Приходя въ классъ, онъ старался какъ можно меньше говорить съ самой учительницей, но зато внимательно присматривался къ ученицамъ, которыя вообще въ силу закона психологіи почти въ точности отражаютъ свою наставницу, повторяя ея жесты, выраженіе ея лица, голоса и даже всѣ движенія сердца.

Онъ задавалъ дѣтямъ вопросы въ предѣлахъ программы, но съ такимъ расчетомъ, чтобы пролить лучъ въ глубину ихъ сознанія.

Среди другихъ вопросовъ онъ предлагалъ одинъ неизмѣнный вопросъ, который выбралъ съ большой обдуманностью и которому приписывалъ силу откровенія:

— Назовите мнѣ самую замѣчательную изъ извѣстныхъ вамъ женщинъ.

Онъ ждалъ отвѣта, и глаза его такъ и впивались въ ученицъ, и такъ и просились наружу слова: „Ну же, свѣтлые глазки! ну же, бѣленькіе лобки! Ну, вы, сонныя и живыя лички! Ну, вы, розовыя мордочки! Ну же, работнички! Ну же, стадо маленькихъ доносчицъ!“

Повсюду лица и умы принимали обликъ, какой подобаешь передъ господиномъ инспекторомъ, повсюду выпаливали одинъ отвѣтъ, казавшійся заученнымъ, школьнымъ:

„Жанна д'Аркъ, Жанна Гашеттъ.“—Или мѣстами фантазія позволяла нѣкоторые варианты: „Марія Медичи, Шарлотта Кордэ“ и т. д.

Школа въ Шабуа носила характеръ крайней бѣдности.

Находясь въ женскомъ классѣ, инспекторъ внезапно остановился, и въ головѣ его мелькнула мысль: „Стой! я чувствую какое-то особенное, характерное вѣяніе, здѣсь нѣтъ обычнаго стаднаго единодушія и нѣтъ шаблонно-школьнаго теченія мысли“.

Мысль каждаго ребенка текла самостоятельно, среди отвѣтовъ не было замѣтно вліянія однихъ на другихъ. Тутъ стоило прислушаться внимательно!

Онъ дѣлалъ видъ, что разбираетъ письменныя работы ученицъ, и въ то же время съ мастерствомъ, пріобрѣтеннымъ за двадцатилѣтнюю службу, старался выдѣлить ученицъ-типовъ, являвшихся копіями учительницы.

— Ладно! Пусть отвѣтитъ мнѣ теперь вотъ эта дѣвочка въ синемъ: какая женщина, по-вашему, самая замѣчательная изъ всѣхъ, которыхъ вы знаете?..

Дѣвочка съ маленькимъ, худенькимъ, серьезнымъ личикомъ посмотрѣла непроницаемымъ взглядомъ, который обозначалъ собою: „Почему это можетъ васъ интересовать?“ Совершенно просто, безъ малѣйшей напыщенности, но увѣренно, она произнесла:

— Моя мать.

Инспекторъ подумалъ, поглядѣлъ. Нѣтъ. Это не было еще то, чего онъ искалъ; но, быть-можетъ, *незнакомка* прошла черезъ эту школу въ Шабуа?

— Сколько времени вы здѣсь преподаете? — спросилъ онъ у учительницы.

— Четыре съ половиной мѣсяца. Та, на мѣсто которой я поступила...

— Достаточно, сударыня; позвольте васъ поблагодарить.

Когда инспекторъ вошелъ въ школу въ Плюктѣ, онъ тотчасъ же въ силу воспоминанія поставилъ ее въ связь со школой въ Шабуа.

Здѣсь уже не было преобладающаго элемента бѣдности, но самыя типичныя ученицы тутъ еще болѣе, чѣмъ въ Шабуа, проявляли въ своемъ маленькомъ существѣ характеръ самостоятельности.

На его пресловутый вопросъ нѣкоторыя совершенно даже воздержались отъ отвѣта: видно было, что онѣ и не ищутъ отвѣта: онѣ знали, но не хотѣли говорить.

Выслушавъ нѣсколько неизбежныхъ отвѣтовъ: „Жанна д'Аркъ, Жанна Гашеттъ“,—инспекторъ обратилъ свое вниманіе на дѣвочку лѣтъ приблизительно десяти, носившую трауръ.

— Ну, вотъ вы, дитя мое, вотъ эта самая, что сидитъ на концѣ скамейки,—спросилъ онъ:—какая, по-вашему, самая замѣчательная женщина изъ всѣхъ, которыхъ вы знаете?

Дѣвочка взглянула на него широко-раскрытыми глазами, не произнося ни слова, лишь съ неувимымъ выраженіемъ удивленія, упрека.

— Вы не хотите отвѣчать?

— Нѣтъ, не хочу!—сказала дѣвочка въ упоръ.

И инспектору почудилось, что ясное и грустное личико дѣвочки протестовало въ такихъ выраженіяхъ:

„Чтобы отвѣтить вамъ, я должна была бы раскрыть такое свое „я“, которое не принадлежитъ никому; всѣ права инспекторскаго надзора останавливаются передъ этимъ „я“; что бы въ немъ ни мечталось, ни совершалось, не вамъ про это знать и судить“.

Пока учительница писала на доскѣ задачу, инспекторъ подошелъ къ другой ученицѣ и тихонько спросилъ у нея:

— Ваша маленькая подруга, что сидитъ вонъ тамъ, должно-быть, сирота?

— У нея нѣтъ матери дома, господинъ инспекторъ, но мать-то у нея все-таки есть.

— А-а! Какимъ же это образомъ?

Молчаніе, и опять то же выраженіе на лицѣ: „Стопъ, господинъ инспекторъ, дальше нельзя заходить! у каждой изъ насъ есть право свободы отъ внутренняго надзора, и право это самое священное изъ всѣхъ!“

И вотъ именно въ силу этого „запрета разспрашивать“ господинъ инспекторъ вышелъ изъ школы вполне сѣвѣдомленнымъ. У сиротки имѣлась мать въ стѣнахъ школы. Для сиротки самой замѣчательной женщиной являлась учительница. И въ этой школѣ живыя копіи съ учительницы инстинктивно свидѣтельствовали, что въ нихъ есть такое „я“, о которомъ никто не долженъ знать...

А между тѣмъ учительница эта ничѣмъ съ виду не отличалась отъ всѣхъ остальныхъ.

Инспекторъ явился въ префектуру.

Префектъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на него испытующимъ и лукавымъ взглядомъ:

— Ахъ, это вы. Я васъ дожидался; июльскія назначенія у меня заготавливаются. Кто же моя пресловутая учительница? Что вы узнали?

Инспекторъ узналъ кое-что за время своего объезда. Главное, чему онъ научился,—это, безъ сомнѣнія, была „солидарность молчанія“, которую ему преподала маленькая десятилѣтняя дѣвочка, потому что лицо его приняло то же самое ясное, непроницаемое выраженіе:

— Мнѣ нечего сообщить вамъ, господинъ префектъ.

## Температура звѣздъ.

Очеркъ Н. С. Павловскаго.

(Съ 7 рис. на стр. 537).

Всѣмъ приходилось наблюдать, что если пучокъ бѣлаго свѣта пройдетъ черезъ граненое стекло, то онъ разложится на цвѣта: красный, оранжевый, зеленый, голубой, фіолетовый, т. е., какъ принято говорить—на всѣ цвѣта радуги или спектра.

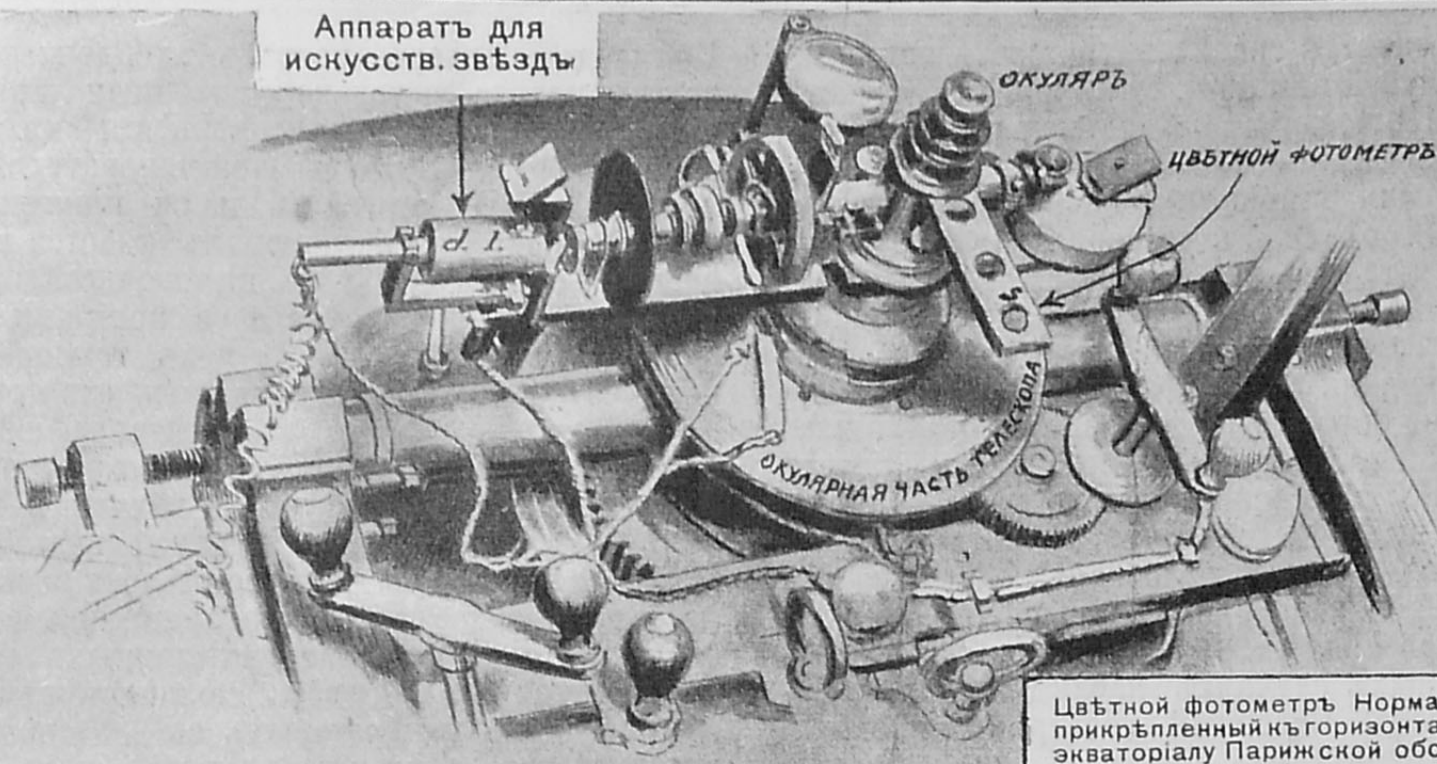
Несравненно эффектнѣе получается картина, если въ темную комнату сквозь маленькую дырочку отъ прокола булавки въ ширмѣ пропустить пучокъ свѣта на трехгранную призму, а затѣмъ послѣ прохожденія этого пучка свѣта черезъ призму и связаннаго съ нимъ преломленія, т. е. отклоненія отъ первоначальнаго направленія, подставить на ходъ лучей бѣлый экранъ. На экранѣ получается цвѣтная полоска, заключающая въ себѣ послѣдовательно всѣ цвѣта—отъ краснаго до фіолетоваго, которая называется спектромъ и была получена такимъ образомъ впервые Ньютономъ. Но ни Ньютонъ ни его послѣдователи до начала, а пожалуй—и середины XIX столѣтія не предвидѣли того колоссальнаго значенія, которое суждено было сыграть этой цвѣтной полоскѣ въ наукахъ, особенно въ астрономіи. Правда, круглое отверстіе, сквозь которое Ньютонъ пропускалъ пучокъ свѣта, предназначавшійся для разлсженія въ спектрѣ, было въ 1802 г.

замѣнено Волластономъ узкой щелью, которая теперь всегда употребляется для полученія спектра. Понятно, что пропускать свѣтъ, хотя бы и черезъ щель, въ темную комнату несудбно, почему и былъ построенъ особый приборъ, названный спектроскопомъ.

Съ устройствомъ спектроскопа сдѣлалось возможнымъ изучать спектръ не только солнца, но и слабыхъ земныхъ источниковъ свѣта, а когда въ 1862 году удалось Тиггенсу соединить спектроскопъ съ зрительной трубкой, то сдѣлалось доступнымъ изученіе спектровъ звѣздъ и вообще небесныхъ свѣтилъ: кометъ, туманностей, планетъ и т. д.

Однако, прежде чѣмъ переходить къ описанію спектровъ небесныхъ свѣтилъ, мы остановимся на спектрахъ земныхъ источниковъ и укажемъ, что по одному взгляду на спектръ можно довольно точно установить, въ какомъ состояніи находится изслѣдуемый источникъ свѣта, а при испусканіи свѣта твердымъ тѣломъ—узнать его температуру. Такъ, если нагрѣвать платиновую проволоку и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать ея спектръ въ спектроскопѣ, то при температурѣ менѣе 500° въ спектрѣ будетъ лишь одна красная часть, но по мѣрѣ того, какъ мы на-

Аппарат для искусств. звёздъ



Цвѣтной фотометръ Норманда, прикрѣпленный къ горизонтальному экваторіалу Парижской обсерваторіи.

М. МЕДВѢДИЦА

\* Полярная

Б. МЕДВѢДИЦА

Вега

Арктуръ

ПЕРСЕИ

Дяголь

Капелла

ВОЗНИЧИЙ

Альдебаранъ

Бетельгейзе

Беллатриксъ

ОРИОНЪ

Алтинанъ

Ризель

Сиріусъ

Б. ПЕСЪ

СРАВНЕНІЕ НЕБЕСНЫХЪ И ЗЕМНЫХЪ ТЕМПЕРАТУРЪ

По Норманду наивысшая температур. звѣздъ 40.000°Ц. („Лямбда“ Тельца).

По Норманду температура солнца 5.320°Ц.

По Норманду минимальная температура звѣздъ 2.870°Ц. („Ро“ персея).

ПЛАТНА ПЛАВИТСЯ ПРИ 1775°Ц

ЖЕЛЕЗО ПЛАВИТСЯ ПРИ 1600°Ц

ЗОЛОТО ПЛАВИТСЯ ПРИ 1054°Ц

СЕРЕБРО ПЛАВИТСЯ ПРИ 954°Ц

СВИНЕЦЪ ПЛАВИТСЯ ПРИ 326°Ц

ВОДА КИПИТЬ ПРИ 100°Ц

Ультра-фіолет., голубой, красный.



Фотографія спектра Проціона и Бетайгезе, полугенная въ саут-кенсиантонъ. а) Проціонъ б) Бетайгезе

Порядокъ цвѣтовъ спектра.

Горячія ЛУЧЕИСПУСКАНИЯ

Фиолетовый.

Синій.

Голубой.

Зеленый.

Желтый

Оранжевый.

Красный.

Холодныя ЛУЧЕИСПУСКАНИЯ

КРИВАЯ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ КЛАССИФИКАЦІЮ ЗВѢЗДЪ ПО ТЕМПЕРАТУРЪ, УСТАНОВЛЕННУЮ ЛОКІЕРОМЪ

Драгонская стадія (γ и ζ Корабля) Альтинанская ст. (ε Ориона)

Повышающаяся температура

Понижающаяся температура

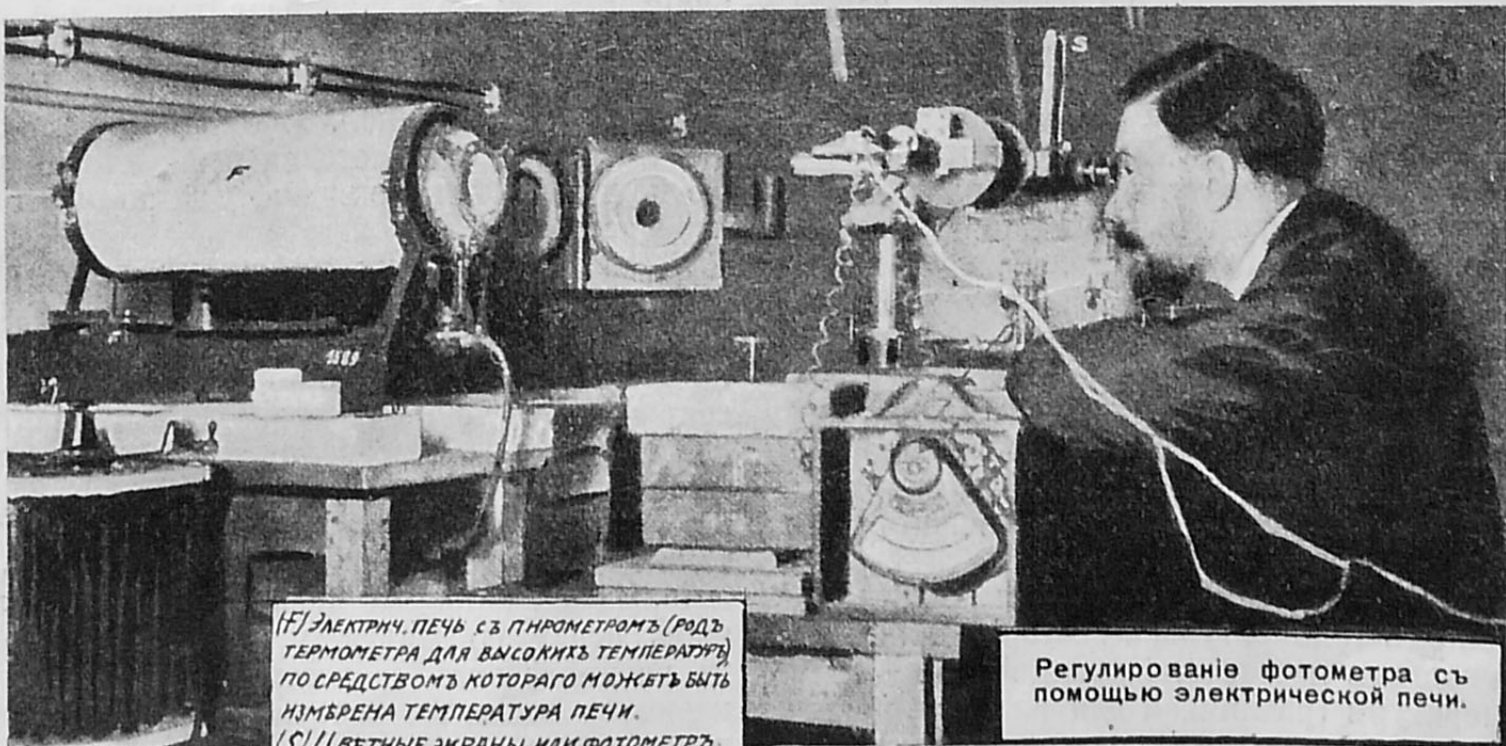
- Круціцкая (α Креста)
- Таврская (ζ Тельца)
- Ригеліанск. (В. Ориона)
- Цигнійская (α Лебедя)
- Полярнская (Полярная зв.)
- Альдебаранская (α Тельца)
- Антаресская стадія (α Скорпіона)

- Ахернарская ст. (α Эридана)
- Алгольская (В Персея)
- Маркабская (α Пегаса)
- Сиріанская (Сиріусъ)
- Проціонск. (α Б. Пса)
- Арктурск. (Арктуръ)
- Писційск (19 Рыбъ)

Классъ болѣе молодыхъ звѣздъ низкой температуры.

старыя холодныя звѣзды.

Измѣреніе температуры звѣздъ.



1) Электрич. печь съ пирометромъ (родъ термометра для высокихъ температуръ) по средствомъ котораго можетъ быть измѣрена температура печи.  
2) Цвѣтныя экраны, или фотометръ.

Регулированіе фотометра съ помощью электрической печи.

КАССИОПЕЯ

АНАРОМЕА

ПЕГАСЪ

ОВЕНЪ

Марка 67

Денежь

ЛЕБЕДЬ

Вега

ЛИРА

ОРЕЛЬ

Алтианъ

Температура звѣздъ.

грѣваемъ проволоку въ спектрѣ появляются послѣдовательно цвѣта: желтый при  $590^\circ$ , голубой при  $600^\circ$ , синій при  $780^\circ$ , фіолетовый при  $1.200^\circ$ . Въ тотъ моментъ, когда тѣло дастъ полный спектръ, т.-е. всѣ цвѣта, оно будетъ имѣть бѣлый цвѣтъ. Совершенно иная картина получается, если направить цель спектроскопа на пламя хотя бы спиртовой горѣлки, въ которое мы подсыпаемъ разныя вещества. Тутъ вмѣсто сплошной цвѣтной полосы будутъ видны на темномъ фонѣ свѣтлыя линіи той или иной окраски въ зависимости отъ вещества, вводимого въ пламя. Такъ, если мы подсыпаемъ поваренной соли, въ составъ которой входитъ много хлористаго натра, то пламя окрасится въ желтый цвѣтъ, и въ спектроскопѣ появятся двѣ желтыя линіи, характерныя для натрія. Калій даетъ въ спектрѣ одну карминно-красную и одну фіолетовую линію. Вообще каждому веществу будутъ соответствовать опредѣленные линіи, число которыхъ разнообразно (для натрія, напримѣръ, 2, для желѣза 2000). Для полученія спектровъ тугоплавкихъ металловъ употребляютъ электроды вольтовой дуги. Напомнимъ, что въ названныхъ случаяхъ наблюдаются спектры паровъ названныхъ металловъ. Подобный спектръ линейчатый или прерывистый, т.-е. состоящій изъ свѣтлыхъ линій на темномъ фонѣ, получается и отъ свѣтящихся газовъ. Такъ, спектръ водорода даетъ цѣлую серію свѣтлыхъ линій по всему спектру. Однако чистыхъ блестящихъ спектровъ земныхъ источниковъ свѣта мы не получимъ, если направимъ цель спектроскопа на солнце или звѣзды. У нихъ весь блестящій спектръ будетъ пересѣченъ поперекъ темными линіями, которыя называются Фраунгоферовыми въ честь юнаго оптика и физика Фраунгофера, который въ 1815 году впервые ихъ замѣтилъ или, вѣрнѣе, обратилъ на нихъ вниманіе астрономовъ въ спектрѣ солнца. Но объяснить причину появления этихъ темныхъ линій въ спектрѣ солнца Фраунгоферъ и его послѣдователи до Кирхгофа не умѣли. Только Кирхгофъ и Бунзенъ отыскали въ 1860 году связь между темными и свѣтлыми линіями спектра и установили основной законъ, на которомъ зиждется современный спектральный анализъ.

Кирхгофъ и Бунзенъ показали, что тѣ свѣтлыя линіи, которыя наблюдаются въ спектрѣ земныхъ веществъ на солнцѣ, вслѣдствіе поглощенія обращаются въ темныя линіи. Поэтому, если темныя линіи спектра солнца по своему положенію совпадаютъ съ положеніемъ свѣтлыхъ линій даннаго вещества, то значитъ, что эти линіи, какъ темныя, такъ и свѣтлыя, принадлежатъ одному и тому же веществу. Только въ первомъ случаѣ это вещество является поглощающимъ слоемъ (темныя линіи), а во второмъ—лучеиспускающимъ (свѣтлыя линіи). Во всякомъ случаѣ, если темнымъ линіямъ спектра небесныхъ свѣтилъ мы находимъ соответственныя свѣтлыя линіи въ спектрахъ земныхъ веществъ, то эти вещества находятся на свѣтилѣ, т.-е. мы узнаемъ составъ солнца и звѣздъ. Такимъ способомъ на солнцѣ и звѣздахъ было открыто присутствіе желѣза, мѣди, кальція, натрія, водорода, кислорода, углерода и т. д.; при чемъ таблица химическихъ элементовъ солнца ежегодно пополняется новыми веществами, которыя открываются съ развитіемъ спектрального анализа. Любопытно, что иногда въ спектрахъ небесныхъ свѣтилъ встрѣчаются линіи, присутствіе которыхъ не можетъ быть объяснено ни однимъ изъ веществъ, извѣстныхъ на землѣ, но которыя послѣ тщательныхъ поисковъ отыскиваются у насъ. Такъ, гелій впервые обнаруженъ на солнцѣ, а затѣмъ, уже въ 1894 году—на землѣ. Дальнѣйшее тщательное изученіе спектровъ земныхъ веществъ и небесныхъ свѣтилъ, особенно усовершенствованіе спектроскоповъ, дающихъ теперь такое свѣторазрѣшеніе (дисперсію), о которомъ прежде не могли мечтать, раскрыло чрезвычайную сложность спектральныхъ явленій. Теперь извѣстно, что спектры одного и того же вещества претерпѣваютъ крупныя измѣненія отъ измѣненія плотности газа, отъ увеличенія толщины лучеиспускающаго слоя и особенно отъ увеличенія температуры. На послѣднемъ условіи теперь и остановимся.

Увеличеніе температуры не только измѣняетъ распределеніе энергіи въ различныхъ областяхъ спектра, но измѣняетъ также его внѣшній видъ, такъ какъ яркость нѣкоторыхъ линій спектра увеличивается съ повышеніемъ температуры, а яркость другихъ остается безъ измѣненія и даже ослабляется. Однако этимъ явленіямъ не ограничиваются. Когда ученые сумѣли получить у себя въ лабораторіяхъ болѣе высокія температуры, чѣмъ раньше, то увидѣли, что увеличеніемъ температуры въ извѣстномъ предѣлѣ вызываются только внѣшнія измѣненія спектра, но если повышать дальше температуру, то, кромѣ измѣненія внѣшняго вида спектра, произойдутъ также измѣненія „по существу“.

Новѣйшія изслѣдованія Норманда Локьера надъ измѣненіями линейчатыхъ спектровъ металловъ съ повышеніемъ температуры дали ему возможность до нѣкоторой степени освѣтить вопросъ о температурахъ звѣздъ и установить двѣ основныхъ группы ихъ: горячихъ и холодныхъ, а самую жизнь звѣздъ изобразить кривой (см. рис. на стр. 537).

Нормандъ Локьеръ, наблюдая линейчатые спектры металловъ, замѣтилъ, что съ повышеніемъ температуры нѣкоторыя линіи въ спектрахъ металловъ начинаютъ постепенно усиливаться, и при достаточно высокой температурѣ (различной для разныхъ металловъ) спектры будутъ состоять только изъ этихъ линій, которыя

Нормандъ Локьеръ назвалъ „усиленными“. Если въ спектрѣ звѣзды находятся только усиленные линіи металловъ, то съ достаточной степенью достовѣрности можно предположить, что звѣзда обладаетъ наивысшей температурой. Благодаря современному развитію фотографіи и ея примѣненію къ изученію небесныхъ свѣтилъ, астрономамъ удается теперь фотографировать спектры звѣздъ, а затѣмъ, не торопясь, изучать ихъ въ лабораторіяхъ, тщательно сравнивая со спектрами земныхъ веществъ, полученныхъ при всевозможныхъ температурахъ. Для полученія высокихъ температуръ служатъ электрическія печи (см. рис.). Увеличивая постепенно въ электрической печи температуру, которая измѣряется особымъ термометромъ, такъ называемымъ пирометромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаютъ измѣненія спектра, при чемъ всегда можно узнать, какой видъ спектра соответствуетъ данной температурѣ. Имѣя фотографіи спектровъ звѣздъ, Нормандъ Локьеръ производилъ въ лабораторіи тщательное изслѣдованіе и сравненіе ихъ со спектрами земныхъ веществъ, полученныхъ въ лабораторіи при всевозможныхъ температурахъ; при этомъ онъ замѣтилъ у нѣкоторыхъ звѣздъ спектры, состоящіе исключительно изъ „усиленныхъ“ линій, такъ что Нормандъ Локьеръ предположилъ, что онѣ имѣютъ очень высокія температуры. Такимъ образомъ, сидя у себя въ лабораторіи, надлежащимъ образомъ оборудованной, изучая и измѣряя спектры звѣздъ, а затѣмъ сравнивая ихъ со спектрами земныхъ веществъ, полученныхъ при той или иной температурѣ, Нормандъ Локьеръ имѣлъ возможность установить степень нагрѣтости той или иной звѣзды.

Разсматривая чертежъ, составленный по даннымъ Норманда Локьера, мы видимъ, что наивысшей температурой обладаетъ „лямбда“ Тельца ( $\lambda$  Тельца), и ея температура по Норманду Локьеру равна  $40.000^\circ$  Ц. (Цельсія). Характерно еще то, что въ горячихъ звѣздахъ особенно эффектно видны линіи легкихъ газовъ, „усиленныхъ“ же линій металловъ наблюдается незначительное число. Такъ, въ спектрѣ Белятрикса ( $\gamma$  Оріона), одной изъ самыхъ горячихъ звѣздъ, видны только 3 „усиленные“ линіи кальція. Затѣмъ идетъ температура солнца въ  $5.320^\circ$  Ц. Эта температура довольно близко подходитъ къ температурѣ, которая обыкновенно приписывается солнцу ( $6.000^\circ$  Ц.). Цѣлый рядъ звѣздъ такъ называемыхъ типа Солнца, Арктуръ, Капелла и т. д. имѣетъ температуру, равную температурѣ солнца. Въ спектрахъ этихъ свѣтилъ уже наблюдается большее количество темныхъ металлическихъ линій. Между этими двумя видами звѣздъ имѣется цѣлая серія звѣздъ, температура которыхъ заключается въ названныхъ предѣлахъ. Наконецъ минимальной температурой звѣздъ въ  $2.870^\circ$  Ц. по Норманду Локьеру обладаетъ „ро“ Персея ( $\rho$  Персея). У звѣздъ этого вида, какъ, напр., Бетайгейза, спектры обильно перерѣзаны темными линіями металловъ. Далѣе приведены температуры, при которыхъ обращаются въ паръ: платина, желѣзо, золото, серебро, свинецъ и вода.

Классифицировать звѣзды по ихъ спектрамъ астрофизики начали уже лѣтъ 25 тому назадъ; при чемъ замѣтили, что бѣлыя звѣзды являются наиболѣе горячими, красныя же—наиболѣе холодными. Эта связь температуры звѣздъ съ ихъ цвѣтомъ нашла себѣ подтвержденіе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Норманда Локьера о температурахъ звѣздъ.

Дѣйствительно, если расположить звѣзды по ихъ температурамъ, полученнымъ Нормандомъ Локьеромъ, то наиболѣе горячими окажутся бѣлыя звѣзды, затѣмъ, по мѣрѣ убыванія температуры, цвѣта ихъ будутъ измѣняться отъ голубого до краснаго, соответствующаго наиболѣе холоднымъ звѣздамъ. Но опредѣленія цвѣта звѣздъ глазомъ крайне субъективны и зависятъ неключительно отъ цвѣточувствительности глаза. Два наблюдателя одной и той же звѣзды приписываютъ ей разную окраску.

Несравненно точнѣе оказываются спектроскопическія опредѣленія цвѣта звѣздъ, гдѣ въ зависимости отъ цвѣта, а слѣдовательно—и температуры звѣзды, извѣстныя части спектра имѣютъ различную яркость. Такъ, звѣзды бѣлыя и голубыя, т.-е. наиболѣе горячія, имѣютъ наиболѣе развитыя, т.-е. яркія, фіолетовую и голубую часть спектра, красныя же наоборотъ—красную часть спектра, что прекрасно видно изъ сравненія спектровъ Проціона и Бетайгейзы (см. рис.). У Проціона—голубой звѣзды—наиболѣе ярка ультра-фіолетовая и фіолетовая части спектра, красная же почти совсѣмъ не видна, у Бетайгейзы же—красной звѣзды—наоборотъ.

Поэтому по одному внѣшнему виду спектра звѣзды можно опредѣлить, принадлежитъ ли эта звѣзда къ группѣ болѣе горячихъ звѣздъ, или уже успѣвшихъ остыть. Но это только общее представленіе, болѣе же точное опредѣленіе температуры звѣздъ сопряжено съ точными кропотливыми измѣреніями и изученіями спектровъ звѣздъ и земныхъ источниковъ свѣта при высокой температурѣ.

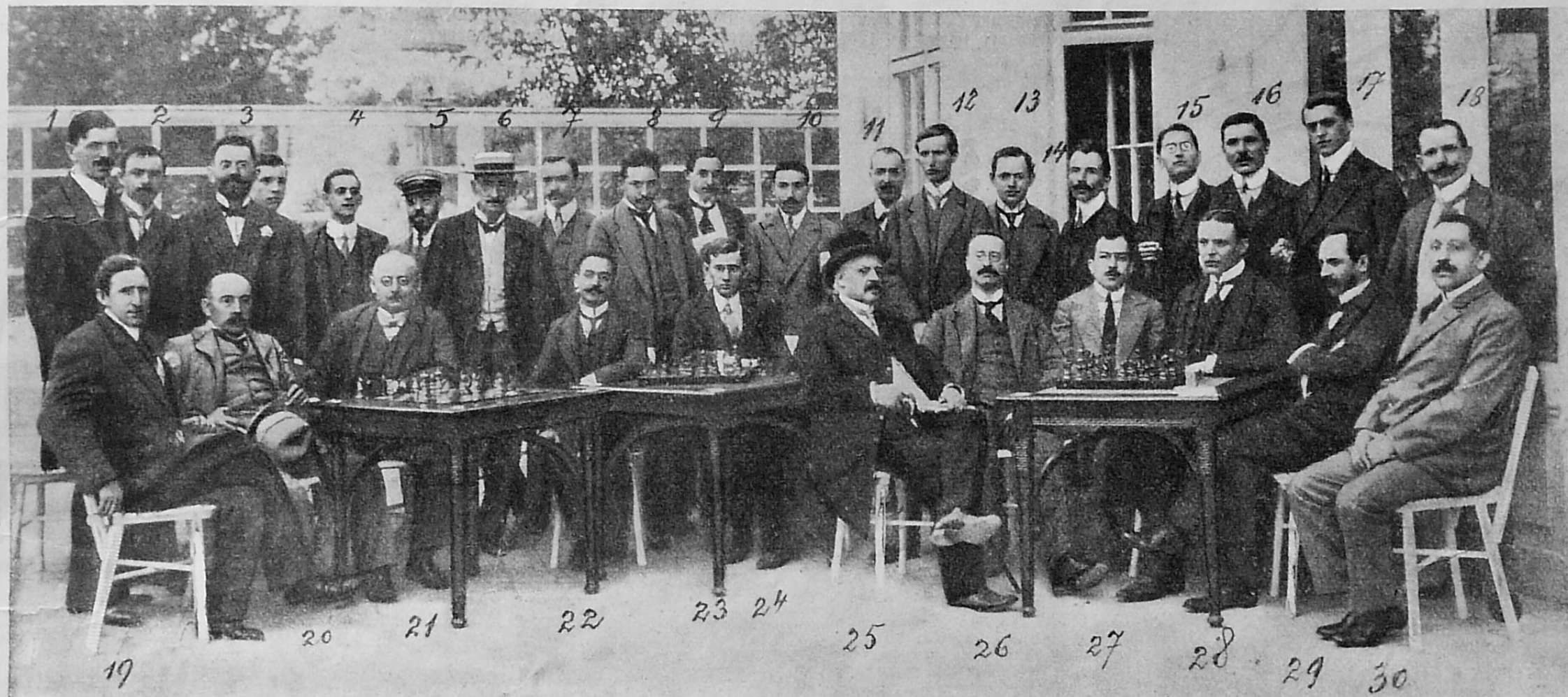
Простой же наблюдатель, взглянувъ на темное небо, усѣянное таинственно мигающими звѣздами, безъ точныхъ измѣреній, которыя за него уже произвели и производятъ астрономы, можетъ сразу по цвѣту узнать, которая изъ звѣздъ находится въ расцвѣтѣ силъ и которая уже успѣла приблизиться къ преклонному возрасту, просуществовавъ во вселенной многіе десятки и сотни тысячелѣтій.

# Международный шахматный турниръ въ Пестьенѣ.

Очеркъ Б. Е. Малютина. (Рис. на этой стр.).

Читатель, не посвященный въ условия современной шахматной борьбы, будетъ, вѣроятно, пораженъ, найдя среди участниковъ только-что окончившагося въ Пестьенѣ международного турнира (имена ихъ отмѣчены звѣздочками) значительное число молодыхъ, частью даже юношескихъ лицъ. Ему покажется страннымъ, что поколѣніе, которое во всякой другой области интеллектуальнаго труда считалось бы недостаточно зрѣлымъ, чтобы занять первенствующее положеніе, такъ смѣло берется оспаривать шахматные лавры, требующіе, казалось бы, и знанія, и опыта, и усидчивой работы. А между тѣмъ это фактъ: въ шахматахъ молодость торжествуетъ надъ пожилымъ возрастомъ. Есть, конечно, много блестящихъ исключеній: нынѣшній „шахматный король“ или иначе—„чѣмпіонъ міра“, Ласкеръ, несмотря на свои 45 лѣтъ, крѣпко держится за это званіе, и нѣтъ никакого повода говорить объ упадкѣ его таланта, а его предшественникъ, Стейницъ, не зналъ поражений до 57 лѣтъ; но, какъ общее правило, представляется несомнѣннымъ, что, переступивъ за 40 лѣтъ, многіе выдающіеся игроки начинаютъ понемногу сдавать, уступая натиску молодыхъ дарованій, при благоприятныхъ условіяхъ въ небольшое число лѣтъ достигающихъ полного расцвѣта, которому сопутствуетъ

1905—6 гг., уже умудренного и значительнымъ турнирнымъ опытомъ. Побѣду Рубинштейна, представителя Россіи, легко было предсказать, но едва ли можно было ожидать, что онъ такъ сильно (на 2½ очка) опередитъ своихъ соперниковъ и прежде всего Шпильмана, отъ котораго всего 2 мѣсяца тому назадъ (на Санъ-Себастьянскомъ турнирѣ) ему еле удалось уйти на ½ очка. Такой блестящій успѣхъ, въ связи съ прежними (Рубинштейнъ уже 4-й разъ беретъ первый призъ), напоминаетъ лучшіе результаты Ласкера; и кто знаетъ, удержитъ ли послѣдній свою корону въ борьбѣ съ Рубинштейномъ? Во всякомъ случаѣ матчъ между ними—очередная злоба дня въ шахматномъ мірѣ. Шпильманъ, 2-й призеръ, тоже дѣлаетъ огромные успѣхи; его игра отличается смѣлымъ и остроумнымъ натискомъ, передъ которымъ спасовалъ и Рубинштейнъ: единственная проигранная имъ партія была именно со Шпильманомъ. Интересна судьба Шлехтера: вопреки общему правилу, онъ развивался какъ-то очень медленно и незамѣтно, и только года два тому назадъ достигъ такого положенія, которое привело къ устройству состязанія между нимъ и Ласкеромъ. Шлехтеръ вышелъ изъ него съ честью, не побѣдивъ, но и не будучи побѣжденнымъ; однако эта



1) Мароци, 2) Эрнстъ, 3) Молнаръ, 4) Егсъ\*, 5) Эльяшевъ, 6) Гаваси, 7) Леонгардтъ\*, 8) Конъ\*, 9) Фальдешъ, 10) Рубинштейнъ\* (первый призъ), 11) Сальве\*, 12) Юнеръ\*, 13) Шпильманъ\*, 14) Гайдошъ, 15) Флусъ, 16) Штеркъ\*, 17) Балла\*, 18) Ердесси, 19) Маршалъ\*, 20) Гофферъ, 21) Тиць, 22) Баррашъ\*, 23) Брейеръ\*, 24) Громадка\*, 25) Алапинъ\*, 26) Мизесъ, 27) Ловцкій\*, 28) Дурасъ\*, 29) Шлехтеръ\*, 30) Вольфъ.

Международный шахматный турниръ въ Пестьенѣ (курортъ въ Венгріи).

и внѣшній успѣхъ въ видѣ призовъ на турнирахъ. И для людей осведомленныхъ это объясняется вполне просто. Игра въ той обстановкѣ, которая свойственна большимъ состязаніямъ, требуетъ значительнаго нервнаго напряженія мысли; это не пріятное развлеченіе въ часы досуга, а ежедневный восьмичасовой упорный трудъ, который игроки обязаны нести въ теченіе 3—4 недѣль сряду. При такихъ условіяхъ побуждаетъ тотъ, кто въ состояніи дольше сохранить необходимую свѣжесть и гибкость мысли; рутина спасаетъ ветерановъ отъ лишней работы, развиваетъ извѣстное общее чутье, позволяющее легко избѣгать многихъ ошибокъ, и о стойкую защиту нервно разбиваются самыя тонко задуманныя атаки; но все это не можетъ замѣнить той активности и энергіи, съ которыми молодой талантъ находитъ новые, неожиданные пути къ побѣдѣ; что касается запаса знаній, то меньшій, конечно, по размѣрамъ у молодежи, но зато онъ современнѣе и потому практически важнѣе.

Турниръ въ Пестьенѣ вполне подтверждаетъ эти соображенія. За исключеніемъ Алапина, Сальве, Тейхмана и Шлехтера, перешагнувшихъ кто за 50, а кто за 40 или 35 лѣтъ, всѣ прочіе 14 участниковъ—представители молодого поколѣнія, и даже 34-лѣтній Маршалъ среди нихъ кажется ветераномъ: 5—6 человекъ выступили на шахматную арену не ранѣе 1905 г., а шестеро явились и совсѣмъ новичками, державшими своего рода испытаніе на зрѣлость въ средѣ маэстро. Послѣднее званіе, какъ извѣстно, составляетъ предметъ честолюбивыхъ мечтаній всякаго выдающагося любителя, но получить его не легко: требуется выиграть не менѣе 1/3 партій въ игрѣ противъ признанныхъ маэстро, и надо сказать, что большинство новичковъ сдало экзаменъ вполне благополучно, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ венгерцы Балла и Брейеръ (послѣднему всего 17 или 18 лѣтъ) и русскій Ловцкій, очутились даже въ числѣ призеровъ; нѣсколько менѣе удачнымъ были дебюты англичанина Егса, венгерца Барраша и чеха Громадки. Львиная доля успѣха выпала представителямъ поколѣнія

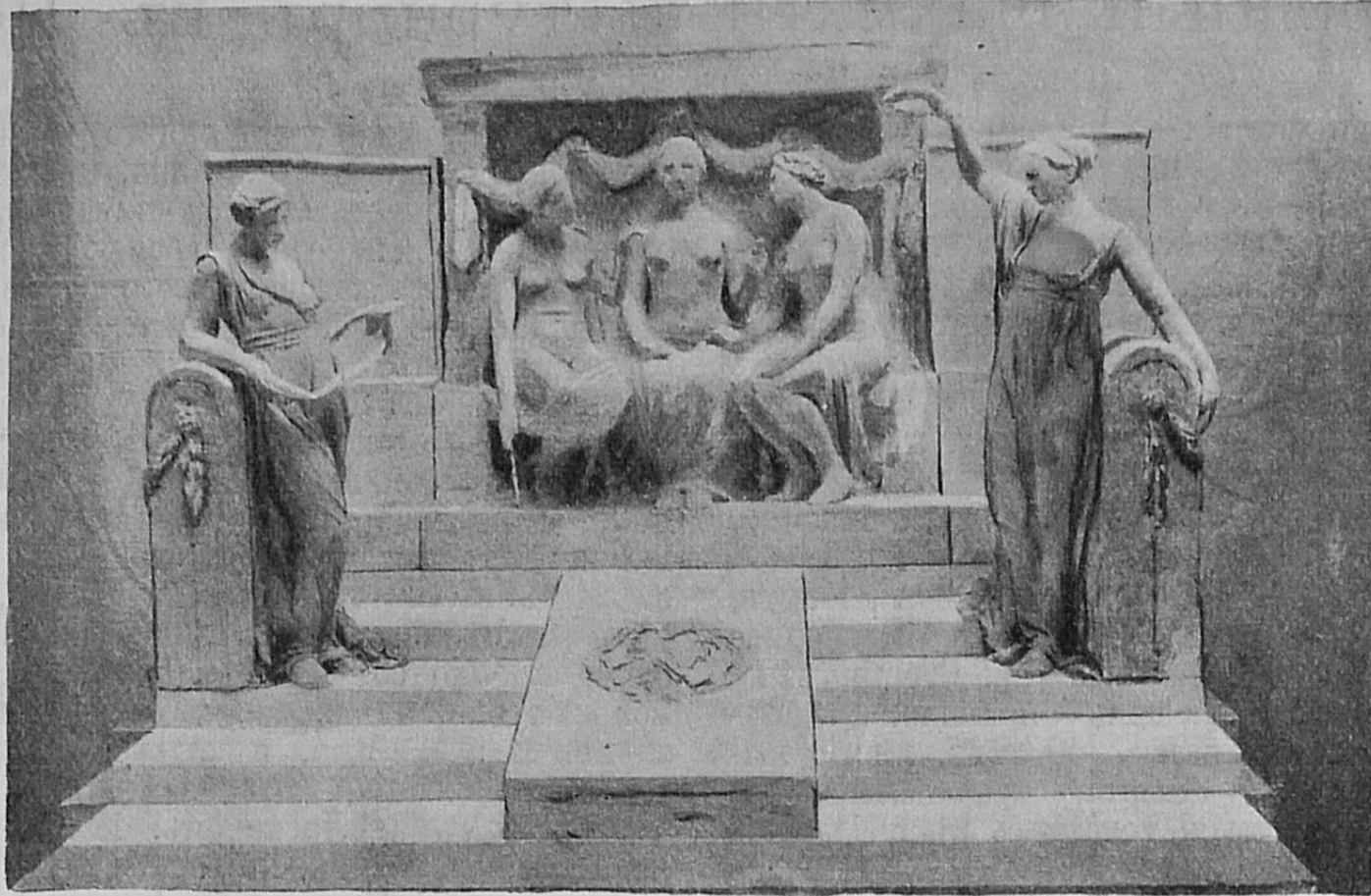
высшая точка оказалась какъ-будто переломомъ въ его карьерѣ, потому что съ тѣхъ поръ онъ играетъ какъ-то блѣдно, хотя и стойко, и не беретъ первыхъ призовъ; въ этомъ турнирѣ онъ свелъ въ ничью цѣлыхъ 14 партій, выигравъ только 3, но зато и не проигравъ ни одной, и это дало ему 5-й и 6-й призы вмѣстѣ съ Тейхманомъ, очень сильнымъ и солиднымъ, но мало активнымъ игрокомъ. Маршалъ, быть-можетъ, самый одаренный изъ участниковъ турнира, но игра для него—тяжелая профессія, и это не можетъ не отзываться неблагоприятно на результатахъ; при такихъ условіяхъ его 3-й призъ—очень большой успѣхъ.

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что Венгрія, всего второй разъ устраивающая у себя международное состязаніе, оба раза открыла путь къ побѣдѣ русскимъ игрокамъ. Въ 1896 году она, представленная въ Будапештѣ такими блестящими именами, какъ Харузекъ и Мароци, уступила русскому чѣмпіону—Чигорину. Харузекъ безвременно скончался, а Мароци предпочелъ теперь роль почетнаго зрителя обузѣ активнаго участія, и за честь Венгріи боролись новички, о которыхъ мы сказали выше.

Кромѣ участниковъ, на группѣ фигурируютъ и другіе шахматисты, такъ или иначе причастные къ турниру. Мы найдемъ среди нихъ и Мароци, и „короля“ шахматныхъ репортеровъ Гоффера, уже десятки лѣтъ неизмѣннаго посѣтителя турнировъ, дающаго о нихъ огромные отчеты въ лондонскій „Field“, и Мизеса, промѣнявшаго роль борца въ состязаніяхъ на перо ихъ бытописателя, и корреспондента русскихъ изданій Эльяшева, и австрійскаго мецената и организатора двухъ карлсбадскихъ турнировъ Тица и другихъ, явившихся на турниръ въ качествѣ такъ называемыхъ „Schlachtenbummler“овъ“.

Турниръ кончился, но немногіе изъ шахматистовъ отдыхаютъ; часть ихъ уже сражается въ Стокгольмѣ и въ Будапештѣ, другіе ждутъ іюля, чтобы играть въ Бреславлѣ; а большинство русскихъ игроковъ сберегаетъ свои силы для предстоящаго въ августѣ Всероссийскаго турнира маэстро въ Вильнѣ.

1712



1912

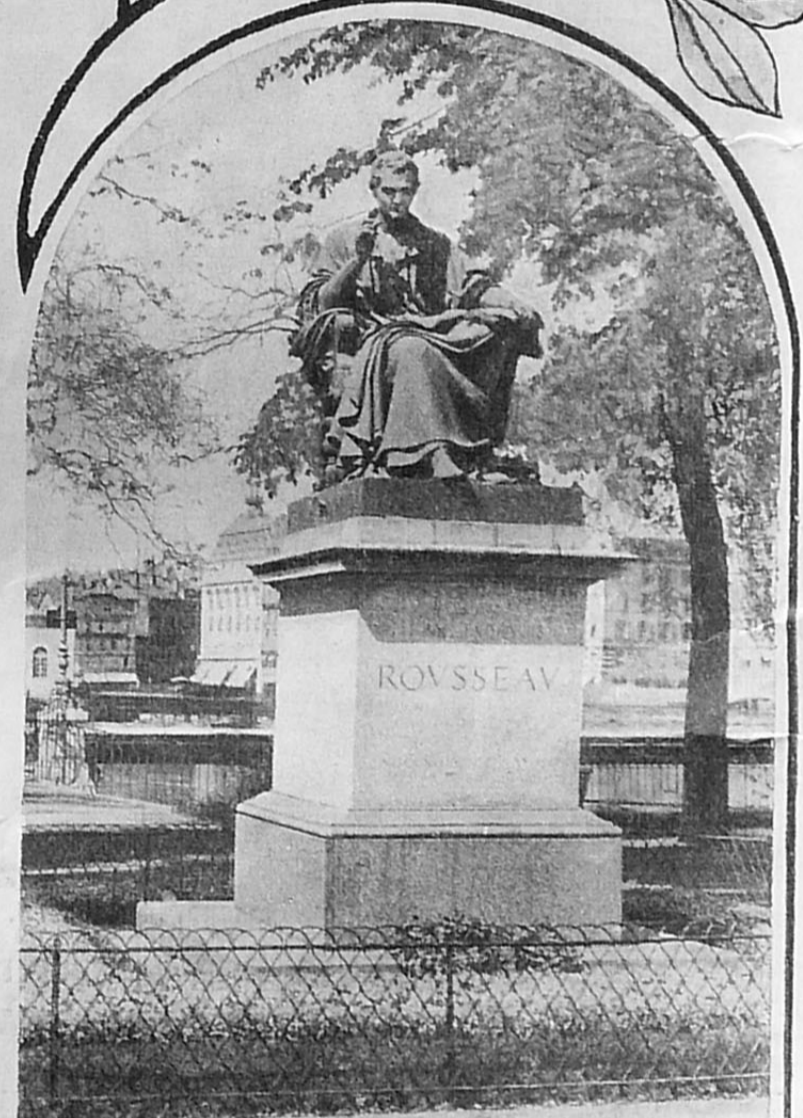
Новооткрытый памятник Жанъ-Жаку Руссо въ Пантеонѣ (работы Бартелэми), куда былъ перенесенъ его прахъ въ 1794 г. по постановленію Национальнаго Конвента.



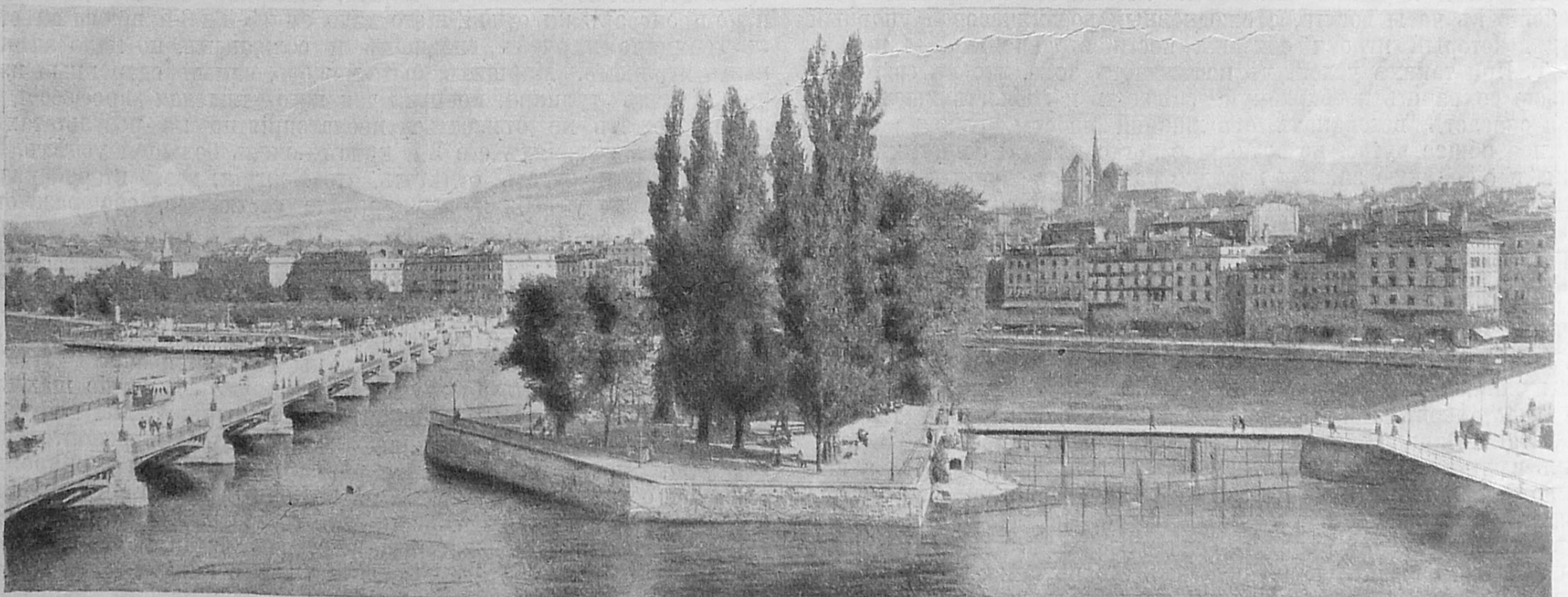
Памятникъ, открытый 10 июня с. г. въ Эрменонвилѣ, гдѣ былъ похороненъ Жанъ-Жакъ Руссо.



Жанъ-Жакъ Руссо.



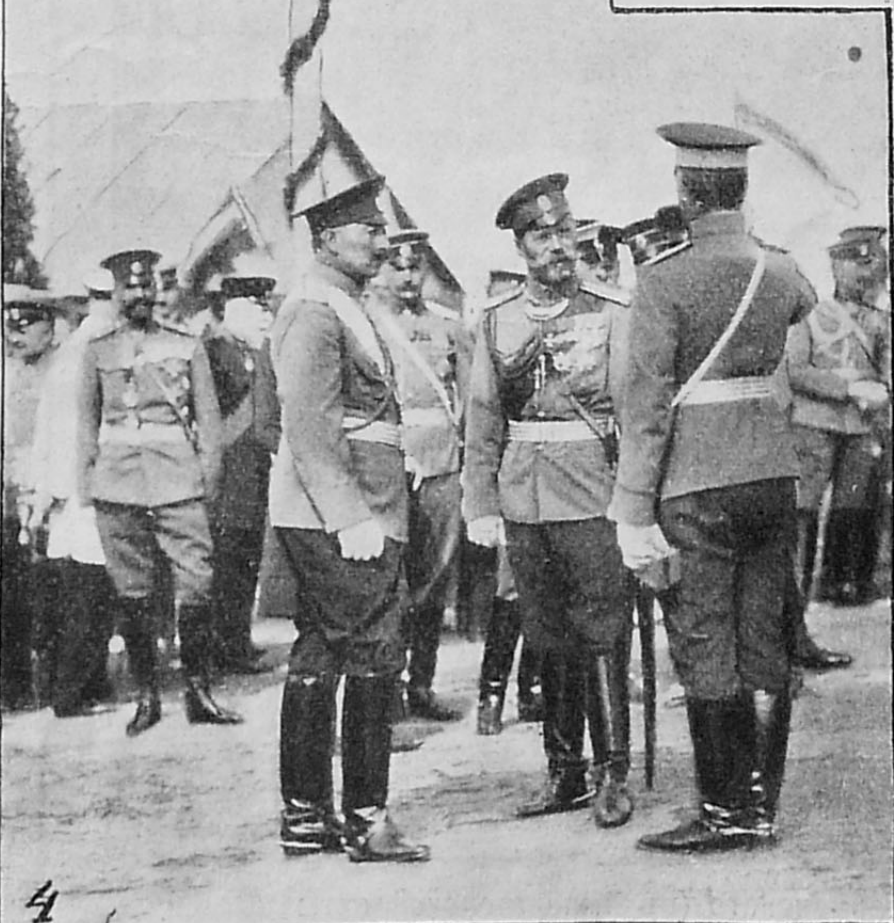
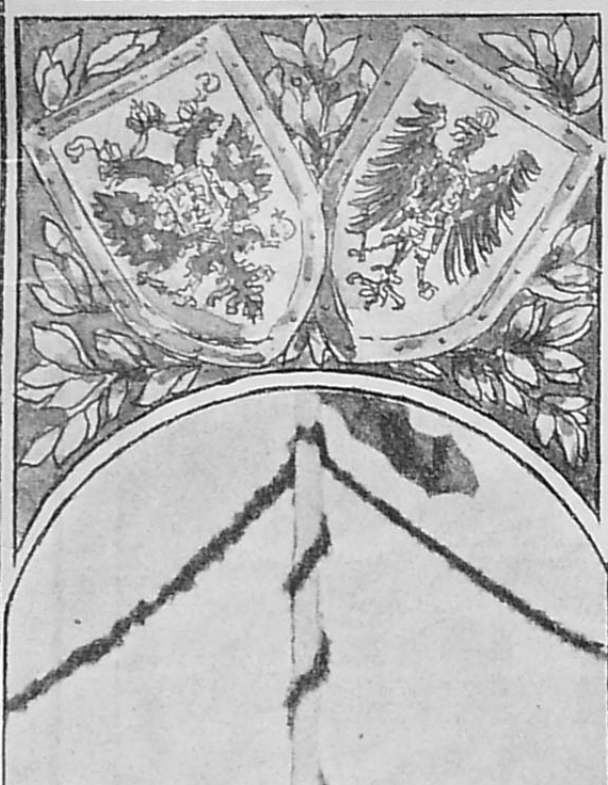
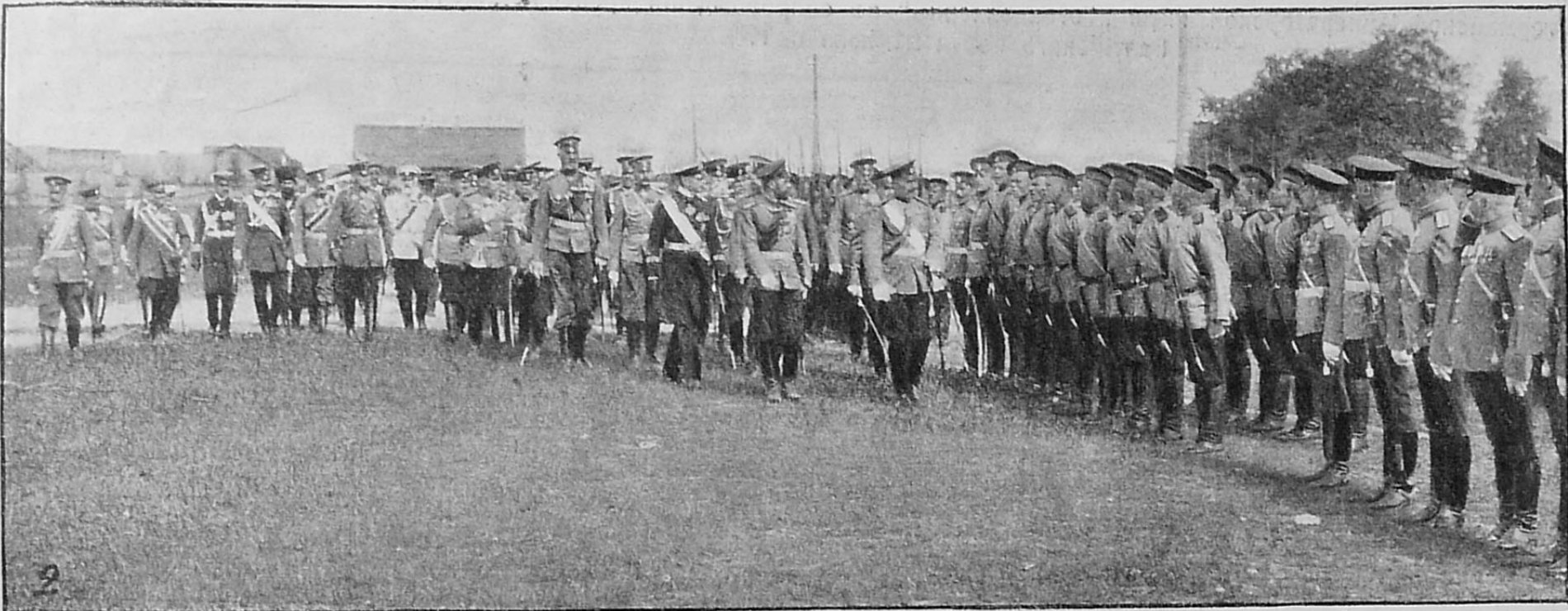
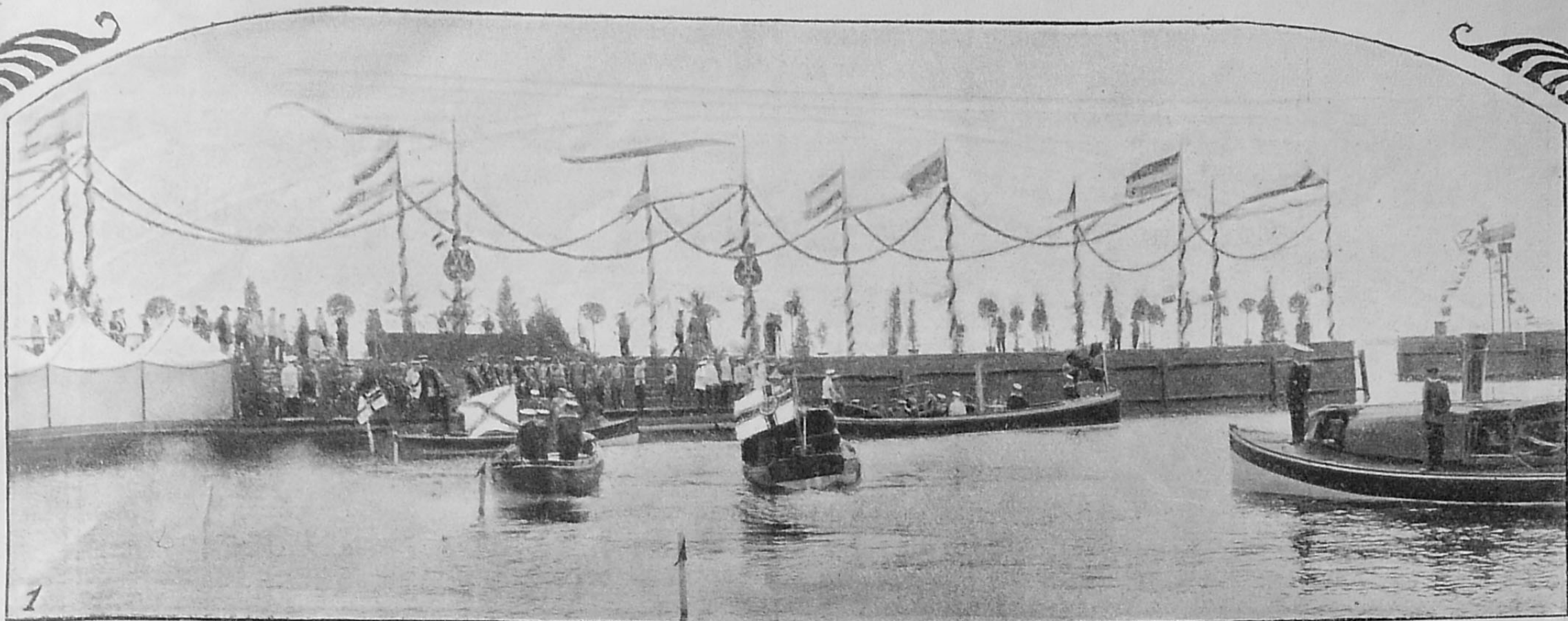
Памятникъ Жанъ-Жаку Руссо въ Женевѣ, на островѣ Жанъ-Жака Руссо.



Островъ Жанъ-Жака Руссо въ Женевѣ.

200-лѣтіе дня рожденія Жанъ-Жака Руссо.

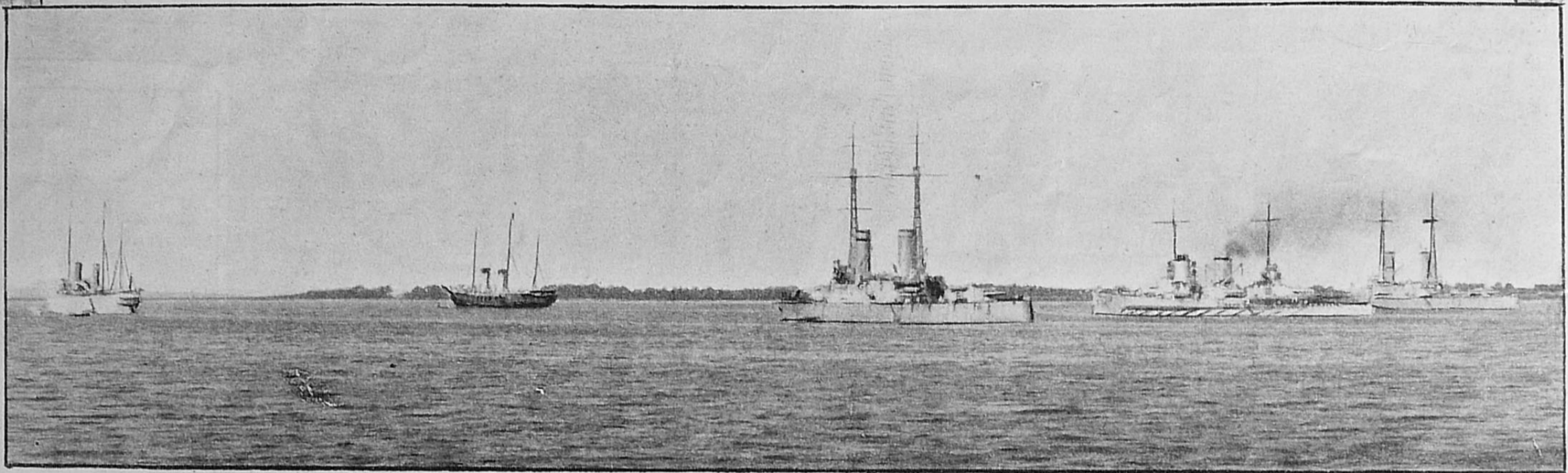




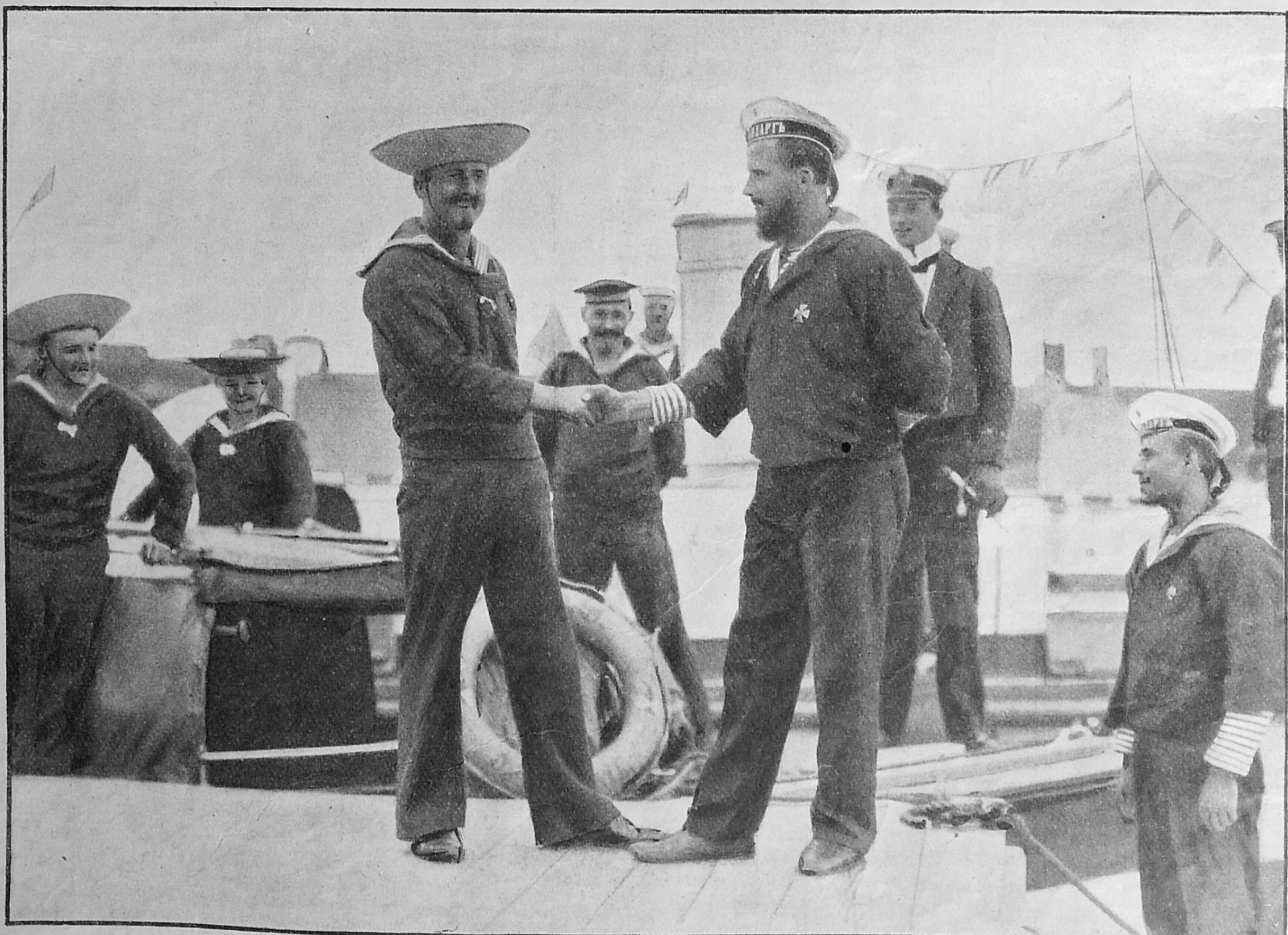
Посѣщеніе Россіи Германскимъ Императоромъ Вильгельмомъ II и Августѣйшимъ Сыномъ Императора, Принцемъ Адальбертомъ, 21 — 22 іюня с. г. въ Балтійскомъ портѣ. 1. Прибытіе Ихъ Величествъ Государя Императора и Императора Вильгельма, Принца Адальберта и лицъ Свиты Ихъ Величествъ въ Балтійскій портъ 22 іюня с. г. 2. Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества на смотру 85-му Выборгскому имени Германскаго Императора Вильгельма полку. 3. Ихъ Величества обходятъ фронтъ почетнаго караула. 4. Представленіе Ихъ Величествамъ командира лейбъ-гвардіи С.-Петербургскаго Короля Фридриха Вильгельма III полка, Шефомъ котораго состоитъ Императоръ Вильгельмъ II. 5. Знамя 85-го Выборгскаго полка.



Прибытіє германской Императорской яхты „Гогенцоллернъ“ въ сопровожденіи крейсера „Мольтке“ на рейдъ Балтійскаго порта 21 іюня с. г.



Императорскія яхты „Штандартъ“ и „Полярная Звѣзда“ и линейные корабли „Павель I“ и „Андрей Первозванный“, на рейдѣ Балтійскаго порта, въ ожиданіи германскихъ гостей.



Братаніе моряковъ русскаго (съ Императорской яхты „Штандартъ“) и германскаго (съ Императорской яхты „Гогенцоллернъ“) въ Балтійскомъ портѣ.

Прибытіє Его Величества Германскаго Императора Вильгельма II въ Балтійскій портъ, 21 іюня с. г.

## Открытие памятника Скобелеву в Москвѣ.

(Съ 3 рис. на этой стр.).

24 іюня с. г. состоялось въ Москвѣ торжественное открытие памятника Скобелеву.

Представителемъ Его Величества Государя Императора присутствовалъ на чествованіи памяти безсмертнаго народнаго героя Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Послѣ провозглашенія вѣчной памяти „Бѣлому Генералу“, по командѣ Великаго Князя: „Вѣмъ парадомъ слушай, на караулъ“, завѣса, скрывавшая памятникъ, упала, и фигура Скобелева на конѣ предстала предъ всѣми собравшимися. Вѣ войска отдали честь памятнику подъ звуки кавалергардскаго марша. По провозглашеніи многолѣтія Царству-



На торжествѣ открытия памятника Скобелеву въ Москвѣ 24 іюня с. г. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ бесѣдуетъ съ участниками депутацій, среди которыхъ выдѣлялись представители покоренной Скобелевымъ Ферганы.

По фот. А. Савельева.



Памятникъ Скобелеву, воздвигнутый на Тверской площади въ Москвѣ. По фот. А. Савельева.

ющему Дому, при пѣніи „Тебе, Бога, хвалимъ“, владыка митрополитъ съ духовенствомъ обошли вокругъ памятника, окропляя его святой водой.

Затѣмъ комиссіей по постройкѣ памятника Скобелеву торжественнымъ актомъ памятникъ былъ переданъ московской городской думѣ. Принимая актъ, городской голова Гучковъ отвѣчалъ слѣдующей рѣчью: „Ваше Императорское Высочество! Памятникъ, сооруженный герою Скобелеву, является памятникомъ геройской доблестной русской арміи, однимъ изъ легендарныхъ вождей коей былъ великій Скобелевъ, плоть отъ плоти и кровь отъ крови великаго русскаго воинства, во вѣ времена самоотверженно служившаго Обожаемому Царю и дорогой Родинѣ. Москва, древняя столица Россіи, счастлива, что на ея долю выпало быть хранительницей памятника этого драгоцѣннаго народнаго достоянія“.

По окончаніи военнаго торжества, состоялось возложеніе вѣнковъ на памятникъ отъ собравшихся депутацій. Первымъ былъ возложенъ серебряный вѣнокъ отъ сестры Скобелева, княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, и родственниковъ его, затѣмъ возло-

жены вѣнки: отъ Генеральнаго Штаба, Императорской Николаевской Военной Академіи, гродненскихъ гусарь, 16-й пѣхотной дивизіи, 14-го Туркестанскаго имени Скобелева полка, 64-го Казанскаго пѣхотнаго полка, 4-го армейскаго корпуса, туркестанскаго коннаго дивизиона; выдѣлялись вѣнки отъ Ферганской области, съ надписью: „Бѣлому Генералу, умиротворившему Фергану, обогатившему туземное населеніе, влетшему жемчужину Востока въ корону Русскаго Царя — отъ благодарнаго русскаго и туземнаго населенія Ферганской области“, и отъ болгаръ: на серебряномъ вѣнкѣ съ золотыми колосьями стояла надпись: „Ловечь, Плевна, Шейново — незабвенному витязю Освободительной войны, славному генералу Скобелеву — благодарный болгарскій народъ“.

### Къ рисункамъ.

15 іюня с. г. исполнилось двѣсти лѣтъ со дня рожденія знаменитаго французскаго писателя Жанъ-Жака Руссо. На его родинѣ, въ Женевѣ, гдѣ въ настоящее время существуетъ прекрасный музей имени Руссо, юбилей этотъ былъ торжественно отпразднованъ, и память одного изъ величайшихъ сыновъ Франціи была блестяще почтена.

Память Руссо должна быть почтена также и всѣми культурными странами. Этотъ блестящій и вдохновенный философъ, проповѣдникъ новыхъ гуманитарныхъ, политическихъ и обще-



Авторъ памятника Скобелеву, подполковникъ А. П. Самоновъ, передъ фигурой изваяннаго имъ коня Скобелева. По фот. А. Далматова.

ственныхъ принциповъ, былъ въ свое время кумиромъ всего мыслящаго общества не только во Франціи, но и повсюду за границей. Его сочиненія считались настольными книгами для каждаго интеллигентнаго человѣка. Трактаты Руссо объ организаціи общественнаго строя („Общественный договоръ“), о воспитаніи („Эмиль“), о значеніи наукъ и искусствъ и др. были для современнаго общества настоящимъ откровеніемъ. Передовые люди того времени во Франціи старались „строить жизнь“ по Руссо. „Общественный договоръ“—эта остроумная, хотя и парадоксальная, попытка установленія новыхъ политико-общественныхъ принциповъ весьма настойчиво проводилась въ жизнь вепыхнувшей въ 1789 году „Великой революціей“. Ученіе Руссо о народоуправствѣ, равенствѣ, братствѣ и свободѣ легло въ основаніе главнаго девиза этой революціи. Руссо былъ ея моральнымъ зачинателемъ и вдохновителемъ. Во время событій 1789 и 1793 годовъ въ Парижѣ его „Общественный договоръ“ читался и обсуждался на площадяхъ и кафе революціоннымъ народомъ.

Вѣкъ, въ которомъ началъ свою реформаторскую и проповѣдническую дѣятельность Руссо—вѣкъ насилія, утонченной изломанности и всеобщей испорченности,—вѣкъ этотъ, приведшій къ потрясеніямъ революціи, навелъ его на смѣлую мысль о необходимости усовершенствованія людей посредствомъ новаго воспитанія и посредствомъ радикальной отторженности отъ „гнилой“ культуры и возвращенія къ простой и здоровой жизни дикаря на лонѣ природы. Простота и свобода жизни, а также искренность словъ и поступковъ—таковъ былъ девизъ всей творческой дѣятельности Руссо. Люди испортились, и ихъ надо перевоспитать, или же по крайней мѣрѣ надо воспитать по-новому молодыя поколѣнія, еще не успѣвшія испортиться въ ложной культурѣ, отпавшей отъ природы и ея здоровыхъ условий. Но этого мало. Для совершенства этого новаго, призваннаго обновить общественную жизнь, человѣка требуется еще одинъ важный и даже важнѣйшій законъ: законъ чувства. Старый вѣкъ, съ которымъ боролся Руссо, былъ насквозь пропитанъ эгоизмомъ, черствостью, легкомысленнымъ отношеніемъ ко всему святому. Руссо властно потребовалъ искренняго и сильнаго чувства, потребовалъ, чтобы среди людей снова воцарилась любовь, и чтобы любви было отведено первенствующее мѣсто въ людскихъ отношеніяхъ. Его „Новая Элоиза“ является пламеннымъ апофеозомъ чувства: ея зачитывались и проливали надъ нею слезы цѣлыя поколѣнія...

Французъ по происхожденію, Руссо былъ уроженцемъ протестантской Женевы. Послѣ бурной жизни, полной превратностей судьбы, вознесенный на вершины славы, но лишенный личнаго счастья, Руссо скончался 2 іюля 1778 года. Онъ былъ похороненъ въ паркѣ на островѣ „Ивъ“ въ Эрменонвиллѣ, близъ Парижа, и могила его стала мѣстомъ паломничества. Позднѣ прахъ Руссо былъ перенесенъ въ Пантеонъ.

Картина Ж. Деварро—„Пастухъ“—обращаетъ на себя вниманіе тонкимъ изяществомъ своего рисунка и выразительностью фигуры самого пастуха. Молодой и красивый, наивный и полудикій, онъ стоитъ среди стада овецъ, погружившись въ мечты, и кажется, будто въ эти часы одинокаго раздумья въ его мечтаніяхъ принимаетъ участіе и съ нимъ бесѣдуетъ сама природа...

Г. Свѣтлицкій въ своей картинѣ „Дачники“ изображаетъ хорошо знакомую сценку ожиданія поѣзда въ дачномъ мѣстечкѣ. Поѣздъ запоздалъ, и дачники съ нетерпѣніемъ заглядываютъ въ ту сторону, откуда онъ долженъ прійти и увезти ихъ въ пыльный городъ. Нарядныя дамы и дѣти, франты въ „панамашъ“ и желтыхъ туфляхъ, чиновники въ потертыхъ пальто—какъ знакомы всѣ эти лица всякому, кому приходилось жить или бывать въ дачныхъ пригородахъ, отличающихся отъ города только нѣсколькими большимъ количествомъ свѣжаго воздуха... Та же толпа, что и въ городѣ, тотъ же шумъ и сумятица, тѣ же граммофоны и кинематографы. И какъ далеко все это отъ настоящей природы...

А. Матиньонъ уноситъ зрителя въ далекую, почти сказочную эпоху послѣднихъ Людовиковъ, въ „версальскій вѣкъ“ пышныхъ

празднествъ и изящной галантности. Предъ нами широкая перспектива пруда, въ которомъ отражаются тысячи праздничныхъ потѣшныхъ огней. На пышно разукрашенной лодкѣ ѣдутъ онъ и она—и на фонѣ этой сказочной декораціи расцвѣтаютъ ихъ любовь... И неслышно летитъ „истомы часъ, мгновенья нѣги“...

„Въ обители“ Д. Пахомова—торжественный покой, величавая тишина, нарушаемая только ударами монастырскаго колокола, и сосредоточенное, молитвенное молчаніе. И тихо шепчутся вѣковыя сосны на горѣ надъ обителью—словно и онѣ молятся о мирѣ всего міра и о спасеніи человѣчества...

## Адмиралъ Ө. В. Дубасовъ.

(Портр. на этой стр.).

Русскій флотъ потерялъ одного изъ своихъ выдающихся дѣятелей: 19 іюня с. г. скончался членъ Государственнаго Совѣта генералъ-адъютантъ, адмиралъ Өдоръ Васильевичъ Дубасовъ, извѣстный герой русско-турецкой войны 1877 года.

Адмиралъ Ө. В. Дубасовъ родился въ 1845 году. По окончаніи курса въ Морскомъ училищѣ и Морской Академіи, онъ опре-

дѣлился въ гвардейскій экипажъ и плавалъ на Императорской яхтѣ „Держава“. Во время русско-турецкой войны, будучи старшимъ офицеромъ яхты „Славянка“, Ө. В. Дубасовъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, и тамъ ему было поручено командованіе отрядомъ мелкихъ судовъ, устраивавшихъ минныя загражденія на Дунаѣ. Именно тогда-то и случилось событіе, прославившее покойнаго адмирала: вмѣстѣ съ лейтенантомъ Шестаковымъ ему удалось взорвать при очень тяжкихъ условіяхъ турецкій мониторъ „Сейфи“. Мониторъ былъ атакованъ минными катерами, и первый удачный ударъ миною (ручною) былъ нанесенъ Ө. В. Дубасовымъ. Этотъ подвигъ доставилъ славу всему русскому флоту, который такимъ образомъ весьма удачно началъ свои военныя дѣйствія на тогдашнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій и причинилъ туркамъ громадный матеріальный и моральный уронъ.

Послѣ войны Ө. В. Дубасовъ командовалъ крейсеромъ Добровольнаго флота „Россия“, былъ командиромъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ, былъ морскимъ агентомъ въ Берлинѣ, а въ 1896 г. былъ назначенъ младшимъ флагманомъ Тихоокеанской эскадры и черезъ два года занялъ Квантунскій полуостровъ, Талиенванъ (Дальній) и Портъ-Артуръ.

Характерно то обстоятельство, что Ө. В. Дубасовъ высказывался противъ занятія нами этихъ областей, пророча въ ближайшемъ будущемъ нежелательныя осложненія и столкновенія съ Китаемъ и Японіей. Но голосъ опытнаго моряка не былъ услышанъ, и только впоследствии оказалось, что онъ былъ глубоко правъ.

Въ русско-японской войнѣ адмиралъ Ө. В. Дубасовъ не принималъ непосредственнаго участія. На его долю выпало только участіе въ делегаціи по разбору извѣстнаго гульскаго инцидента. Зато большое участіе ему пришлось принять въ послѣдовавшихъ послѣ этой войны внутреннихъ печальныхъ событіяхъ. Въ 1905 году адмиралъ Ө. В. Дубасовъ умиралъ аграрныя волненія и извѣстное „декабрьское возстаніе“ въ Москвѣ, будучи назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

На адмирала Ө. В. Дубасова было дважды произведено покушеніе: въ Москвѣ, при чемъ былъ убитъ его адъютантъ, а самъ онъ былъ тяжело раненъ въ ногу, и затѣмъ въ Петербургѣ, въ Таврическомъ саду, гдѣ въ него было произведено нападками революціонерами тринадцать безрезультатныхъ выстрѣловъ и, сверхъ того, брошена бомба. Ө. В. и здѣсь былъ раненъ (бомбой) и снова въ ногу.

Съ 1906 года Ө. В. Дубасовъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта, занимая этотъ постъ до самой кончины.

Покойный отличался рѣдкимъ мужествомъ, выдержкой и громадной энергіей.



Адмиралъ Ө. В. Дубасовъ (1845—1912).

**Содержаніе.** ТЕКСТЪ: Подъ антинимъ гнѣздомъ. Повѣсть Вл. Ленскаго. (Продолженіе).—Стихотвореніе К. Одинцова.—Контрабандисты. Разказъ Болеслава Пруса (Съ польскаго). (Окончаніе).—Вопросъ. Разказъ Л. Фрапье.—Температура звѣздъ. Очеркъ Н. С. Павловскаго.—Международный шахматный турниръ въ Пестьенѣ. Очеркъ Б. Е. Малютина.—Открытие памятника Скобелеву въ Москвѣ.—Къ рисункамъ.—Адмиралъ Ө. В. Дубасовъ.—Объявленія. РИСУНКИ: Пастухъ.—Дачники.—Истомы часъ, мгновенья нѣги...—Въ обители.—Температура звѣздъ (7 рис.).—200-лѣтіе дня рожденія Жанъ-Жака Руссо. (5 рис.).—Посѣщеніе Россіи Германскимъ Императоромъ Вильгельмомъ II. (8 рис.).—Открытие памятника Скобелеву въ Москвѣ. (3 рис.).—Адмиралъ Ө. В. Дубасовъ.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Іюль 1912 г.; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Іюль 1912 г. съ 39 рис. и отдѣльн. листъ съ 24 черт. выкр. въ натур. величину и 57 рис. дамскихъ рукодѣлій.

